

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 НОЯБРЬ 1976

БУХАРЕСТ, 22 НОЯБРЯ 1976 ГОДА

Проводы на Внуковском аэродроме.

СЕРДЕЧНАЯ

Во время переговоров.

22 ноября в Бухарест с дружественным визитом по приглашению Генерального секретаря РКП, Президента СРР товарища Н. Чаушеску прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым в Бухарест прибыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, член ЦК КПСС, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин.

В аэропорту Бухарест — Отопень, украшенном государственными флагами Советского Союза и СРР, у трапа самолета товарища Л. И. Брежнева тепло приветствовал Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску.

По окончании торжественной церемонии встречи на аэродроме товарищи Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску в сопровождении почетного эскорта направляются в город. Десятки тысяч жителей столицы вышли на улицы и площади, чтобы радушно встретить Генерального секретаря ЦК КПСС.

Леонида Ильича сердечно приветствовал член Политисполкома ЦК РКП, первый секретарь муниципального комитета РКП, председатель муниципального народного совета столицы И. Динкэ. От имени жителей столицы он вручил ему символический ключ Бухареста как знак глубокого уважения к Коммунистической партии Советского Союза, к советскому народу, лично к товарищу Брежневу.

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС вылилась в демонстрацию дружбы румынского народа к народам Советского Союза.

22 ноября состоялась первая беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем РКП, Президентом Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску.

В тот же день товарищ Н. Чаушеску дал во Дворце Государственного совета обед в честь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. На обеде вместе с товарищами Л. И. Брежневым и Н. Чаушеску были сопровождающие их официальные лица, партийные и государственные деятели Румынии.

Во время обеда товарищи Н. Чаушеску и Л. И. Брежнев обменялись речами.

«Радуясь сотрудничеству наших народов сегодня,— сказал Л. И. Брежнев,— мы исполнены решимости работать дальше, чтобы советско-румынская дружба крепла и расцветала».

23 ноября в Бухаресте состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым и Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР товарищем Н. Чаушеску.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2577)

27 НОЯБРЯ 1976

ВСТРЕЧА

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Подписание советско-югославского коммюнике.

ПЛОДОТВОРНЫЕ ИТОГИ

По приглашению Президента Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателя Союза коммунистов Югославии Иосипа Броз Тито Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев с 15 по 17 ноября 1976 года находился с дружественным визитом в Социалистической Федеративной Республике Югославии.

В ходе переговоров, прошедших в атмосфере сердечности, взаимопонимания и в духе взаимного уважения, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито информировали друг друга об основных направлениях деятельности КПСС и СКЮ, провели всесторонний обмен мнениями о развитии советско-югославских отношений и сотрудничества, рассмотрели наиболее важные вопросы международного положения и мирового коммунистического и рабочего движения.

17 ноября в Белом дворце Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито подписали советско-югославское коммюнике.

При подписании присутствовали партийные и государственные деятели Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Обе стороны выразили полное удовлетворение итогами переговоров в Белграде. Они уверены, что дружественный визит Л. И. Брежнева в СФРЮ, состоявшийся плодотворный обмен мнениями будут способствовать дальнейшему развитию отношений дружбы и всестороннего сотрудничества между КПСС и СКЮ, СССР и СФРЮ и народами обеих стран.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев пригласил Президента СФРЮ, Председателя СКЮ И. Броз Тито посетить Советский Союз в удобное для него время. Это приглашение было с удовлетворением принято.

17 ноября товарищ Л. И. Брежнев возвратился из Белграда в Москву.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СССР, товарища Л. И. Брежнева встречали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС С. К. Цвигун, Г. К. Цинев, член Центральной ревизионной комиссии КПСС Ю. М. Чурбанов, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров, другие официальные лица.

Во время проводов у Белого дворца.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

18 ноября в Большом Кремлевском дворце начала работу четвертая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили депутаты и гости товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Г. В. Романова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, К. У. Черненко, Я. П. Рябова.

Работа сессии продолжалась два дня.

Сессия единогласно приняла Законы о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР на 1976 — 1980 годы и о Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1977 год.

Единогласно был принят Закон о Государственном бюджете на 1977 год. Принято также постановление об утверждении отчета об исполнении Государственного бюджета Российской Федерации за 1975 год.

Верховный Совет РСФСР образовал новую постоянную комиссию — по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства.

Сессия рассмотрела вопрос об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и приняла соответствующие законы и постановления.

Состоялись также сессии Верховных Советов и в других союзных республиках.

Фото А. Гостева

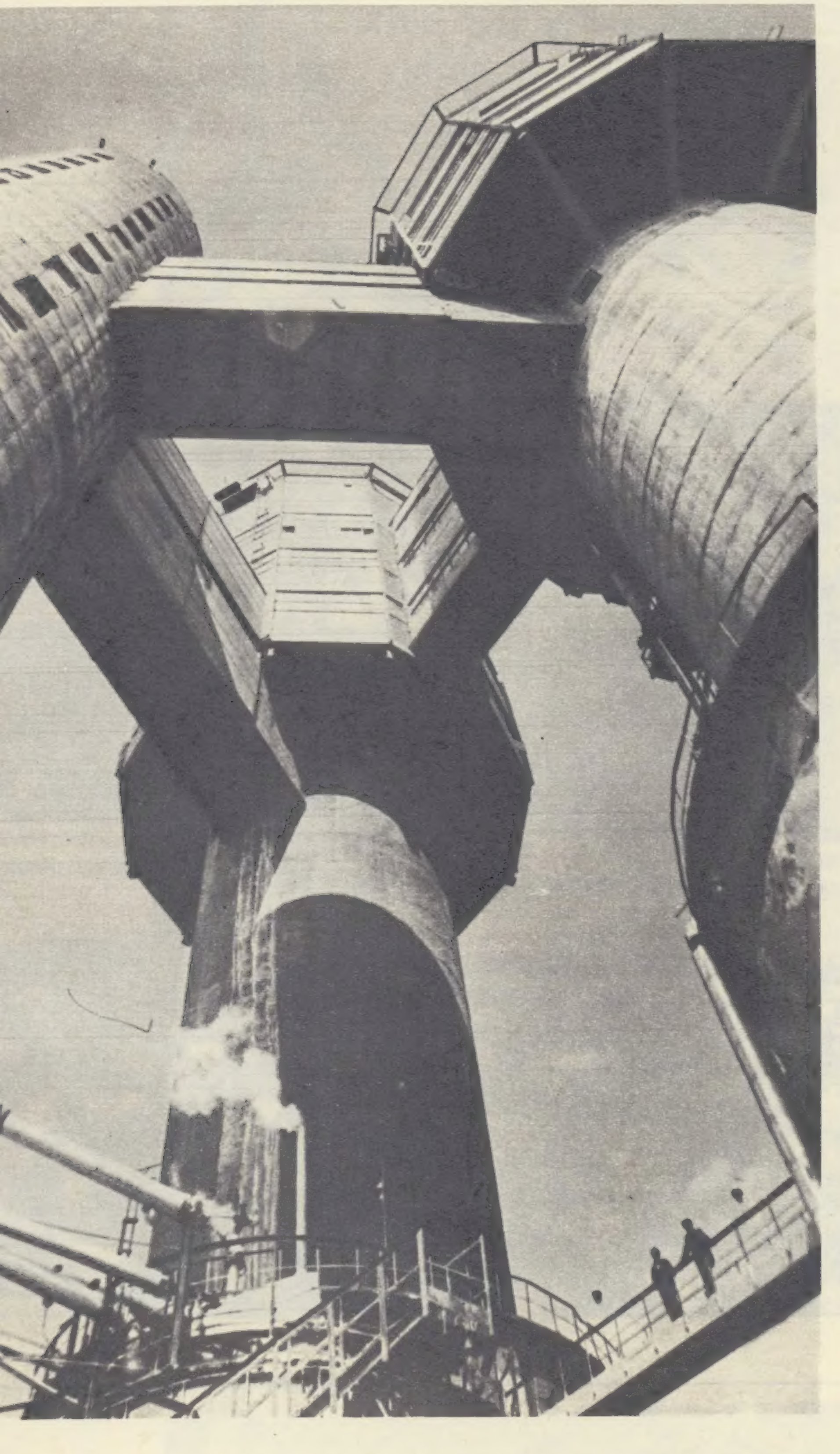
С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в нашей стране находился с официальным визитом король Непала Бирендра Бир Бикрам Шах Дева. 17 и 18 ноября в Кремле состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и королем Непала.

В ходе переговоров, прошедших в дружественной обстановке, были рассмотрены состояние и перспективы развития советско-непальского сотрудничества в различных областях. Стороны выразили обоюдное стремление расширять и укреплять двусторонние отношения на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества.

Во время переговоров.
Фото А. Гостева

ЧЕРКАССЫ

КОРПУСА ПЛОДОРОДИЯ

Накануне XXV съезда КПСС у коллектива черкасского производственного объединения «Азот» была большая радость: за успешное выполнение заданий девятого пятилетнего плана и ввод в действие больших мощностей для производства минеральных удобрений объединение награждено орденом «Знак Почета». Вдохновленные наградой черкасские химики обязались в нынешнем году дать стране 3,4 миллиона тонн минеральных удобрений. Десять тысяч тонн витаминов плодородия решено произвести сверх плана. Рядом с действующими цехами здесь растут новые корпуса.

На снимке: грануляционные башни нового цеха аммиачной селитры.

Фото А. Афанасьева

ПОДМОСКОВЬЕ

«Где вы были в ночь на шестнадцатое?»

С 17 по 24 ноября в девяти районах страны проходила пробная перепись населения. Это своеобразная репетиция перед Всесоюзной переписью, которая будет проведена в январе 1979 года. Сегодня мы публикуем репортаж о том, как проходила пробная перепись в Серпуховском районе Московской области.

17 ноября ровно в семь нольноль на выполнение задания отправились 83 счетчика. В Серпуховском районе началась пробная перепись населения.

Последняя перепись была здесь шесть лет назад.

— Что изменилось в районе за это время? — спросил я у председателя райисполкома А. П. Константинова.

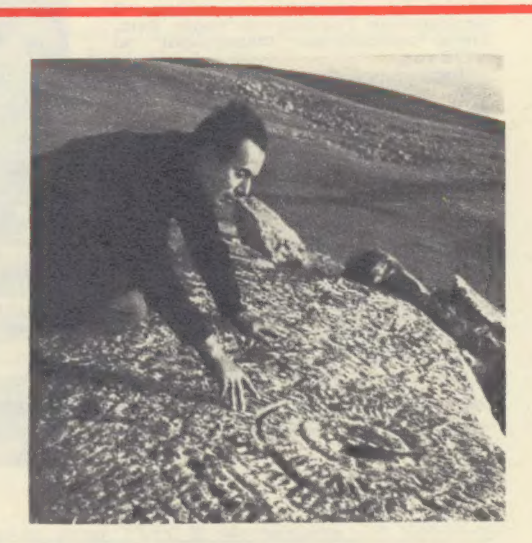
— Очень многое. Раньше район был сельскохозяйственным, а теперь стал аграрно-промышленным: у нас семь крупных совхозов и двенадцать промышленных предприятий. Кроме того, Серпуховский район известен всему миру как крупный научный центр: здесь находится Институт физики высоких энергий, и установленный там синхрофазотрон везде и всюду называют серпуховским... Пятьдесят четыре тысячи тружеников живет в нашем районе. Среди них пять Героев Социалистического Труда. Мы особо гордимся бригадиром овощеводов совхоза «Заокский» делегатом XXV съезда партии, членом Ревизионной комиссии ЦК КПСС, лауреатом Государственной премии СССР, Героем Социалистического Труда Г. И. Рыбаковой. У ее подруги-соперницы из совхоза «Большевик» В. В. Агеевой двойная радость: совхоз награжден орденом Ленина, а сама она стала Героем Социалистического Труда... Модернизировались старые предприятия, такие, как тонкосуконная фабрика «Пролетарий», вступили в строй новые... А сколько построено жилых домов, сколько проложено дорог, газифицировано квартир! Словом, перемен произошло в районе много.

— Кто они, восемьдесят три товарища, которые будут проводить перепись?

— Главным образом студенты Московского экономико-статистического института.

ЕРЕВАН

«КАМЕННАЯ АСТРОНОМИЯ» СУРЕНА ПЕТРОСЯНА

РИГА

КОЖА, ГЛИНА И НИТЬ

Художница Изабелла Кролле согласилась быть гидом, и мы отправились на Рижскую выставку прикладного искусства.

— Каждый экспонат — это одновременно и эталон для будущего массового производства, — разъяснила Кролле.

В одном из залов мы встретились с ярко-зеленым деревом, сотканным из шерсти. Плоский, как и положено гобелену, ствол дерева разветвился на три сильные круглые ветви. И потому гобелен называется «Трое»: три ветви, как трое близких.

Вера Денисова заполняет переписной лист на Л. В. Сентереву, ее зятя Володю и внучку Галю.

Фото автора

Я познакомился с двумя из них — Ирой Пузановой и Верой Денисовой.

— Что вы говорите, когда переступаете порог дома, в котором надо провести перепись? — спросил я у них.

— Прежде всего — здравствуйте! — улыбается Ира. — А потом: «Где вы были в ночь на шестнадцатое?» Дело в том, что численность населения — величина непостоянная: люди рождаются, умирают, переезжают с места на место. Потому-то и была установлена так называемая «критическая дата».

— А дальше?

— Потом достаю переписной лист. Он необычный и очень удобный. Записываю я только фамилию, имя, отчество, национальность, родной язык и место работы. А все остальные графы, такие, как пол, возраст, образование, семейное положение, заштриховываются, причем обязательно мягким карандашом. Это для того, чтобы переписной лист можно было без всякой расшифровки заложить в счетную машину. Сегодня мы должны переписать всех жильцов дома 20-а по улице Центральной. Там живут работницы тонкосуконной фабрики. Хотите пойти с нами?

...Мы заходим в квартиру № 14. Девушки здороваются, деловито предъявляют удостоверения.

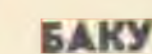
Хозяйка, Лидия Владимировна Сентерева, на фабрике с 1942 года. Было ей тогда всего шестнадцать. Фабрика работала круглые сутки, а продукцию, шинельное сукно, отправляли для фронта. Я поинтересовался, чем знаменательны для Лидии Владимировны последние шесть лет, что прошли с предыдущей переписи.

— Семья увеличилась! Дочка вышла замуж и привела зятя, а вскоре появилась и внучка. Получили мы вот эту хорошую квартиру. Да и на фабрике дела шли неплохо: портрет ни разу не снимали с доски почета, стала наставницей, а совсем недавно наградили меня орденом «Знак Почета».

Мы попрощались с радушной хозяйкой и тут же позвонили в соседнюю дверь.

— Здравствуйте. Мы счетчицы. Скажите, пожалуйста, где вы были в ночь на шестнадцатое?..

Б. СОПЕЛЬНЯК

БАКУ

БЕЗ ЗАДЕРЖКИ

В одном из почтово-багажных составов, ежедневно курсирующих по маршруту Москва — Баку — Москва, функционирует экспериментальный вагон. Внешне он почти не отличается от всех остальных вагонов того же назначения. А вот внутри он совсем иной.

...Железнодорожная станция Баку-2. Началась обработка состава. Н. Елисеев, оператор контейнерного вагона, подошел к пульту управления, смонтированному в служебном купе, и заложил в него программу разгрузочных работ. Автоматически распахнулись дверные проемы. Медленно поплыл под крышей вагона кран-балка.

У каждого из 45 контейнеров — свой порядковый номер и свое место в вагоне. Достаточно нажать на пульте соответствующую кнопку, как «пальцы» кран-балки отыщут нужный алюминиевый ящик, вмещающий до 500 килограммов корреспонденции, поднимут его и понесут на платформу к ожидающему груз автокару. Остальное уже дело операторов и почтальонов. На операцию уходит сто минут.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

ОТ РЕДАКЦИИ. Заказное письмо с этой информацией от нашего бакинского корреспондента пришло в Москву через три дня. Бандероль была доставлена в столицу контейнеровозом.

Уникальная в своем роде коллекция собрана ереванским архитектором Суреном Петросяном. В папках, занявших все полки, стеллажи его квартиры, хранятся десятки тысяч фотографий и рисунков — это копии петроглифов, возраст которых не менее сорока веков. Начало уникальной коллекции было положено десять лет назад. Проводя отпуск в горах, Сурен Петросян на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря обнаружил на скалах какие-то рисунки. Восхитившись их строгостью, лаконичностью, реализмом, он срисовал наскальное изображение. Так в жизнь ереванского архитектора вошли петроглифы, открывшие перед нами удивительный мир наших предков. Неизвестные художники запечатлели на скалах не только сцены быта, но и свое восприятие мира. В папках целые россыпи астрономических петроглифов — «каменных звездных карт» Вселенной. Древний человек, познавая мир, пробовал подняться из земной колыбели, обращая свой взор к звездам.

— Первый из этих петроглифов был обнаружен в горах Варденниса десять лет назад, — рассказывает Сурен Бандоевич. — Скала была испещрена рисунками Солнца, Луны и других небесных тел. Все они были изображены соответственно их видимым величинам и яркости.

Специалисты пришли к выводу, что это астрономическая карта.

За первой находкой последовала вторая, третья. Ученые вплотную занялись каменной коллекцией ереванского архитектора, увлечение которого переросло в подлинно научный поиск.

Исследования С. Петросяна еще более укрепили предположение, что Армения была одним из очагов зарождения астрономических знаний. В районе Варденисских гор Петросян обнаружил на скалах рисунки, напоминающие поверхность Луны с ее кратерами. При сравнении изображения с лунной картой заметно определенное сходство. Возникает вопрос: как четыре тысячи лет назад удалось наблюдать лунную поверхность? Ведь тогда не было оптических линз. Но во многих древних погребениях археологи находили золотой обсидиан, который в Армении в естественном виде встречается нередко — от темного до самого прозрачного. Не это ли вулканическое стекло помогло нашим далеким предкам рассмотреть лунную поверхность? Находками архитектора серьезно занимаются сейчас ученые, астрономы, историки. Что же касается Сурена Петросяна, то он готовится к новым экспедициям.

А. САВАЯН

— Работа Велги Вилцане, — сказала наш гид Изабелла Кролле. — Как видите, совершенно новая для гобелена форма.

Гобеленов на выставке было много, и каждый по-своему будит чувство прекрасного и необычного: розовые с коричневым «Рижские крыши» Эгила Розенберга; «Море» Айи Баумане; «Земля» Аниты Петерсоне — спокойная, плавная, в коричневых теплых тонах, как латвийские пашни; солнечный «Летний мед» Илмы Аустрини.

Был представлен и традиционный для Латвии металл с янтарем. И были древние, как мир, изделия из глины. Вот листья — сизо-зеленые с крупными прожилками. А фон для каждого — плоские пластины с очертаниями холмов. Автор — моя спутница Изабелла Кролле.

— Что за экзотические листья?

— Самый обыкновенный репейник из Пиебалги — холмистой местности, поэтому композиция и называется «Холмы», — говорит художница. Это скульптура декоративная, садовая.

Стоят на стенде средневековые сосуды — кажется, мастер сию минуту сделал их для лаборатории рижского алхимика. Только они крупны, да сразу не понять — из чего? А сосуды эти из кожи, металла и фаянса. Молодому художнику Эрику Приедкалну кожа послушна, как глина.

Выставка познакомила в основном с произведениями молодых художников.

Н. ХРАБРОВА

Фото Ю. Пойша

В президиуме торжественного вечера, посвященного 70-летию со дня рождения Самеда Вургуна. Слово о поэте произносит Герой Социалистического Труда Сулейман Рустам.

Фото Ю. Рахиля.

ПЕВЕЦ АЗЕРБАЙДЖАНА

Со всех краев нашей страны и из-за рубежа съехались гости в столицу Азербайджана — Баку, чтобы принять участие в праздновании 70-летия со дня рождения народного поэта, певца социалистического Азербайджана Самеда Вургуна.

Он принадлежал к когорте поэтов, рожденных революцией, и на протяжении всей своей короткой и яркой жизни высоко пронес знамя служения многонациональной социалистической литературе.

...Не зная дней рожденья,
дней ухода,
Под тысячей имен
в родной стране —
Жить, вечно жить:
в бессмертии народа,
В зерне и слове,
хлебе и вине!..

Эти, такие характерные для Самеда Вургуна строки, утверждающие жизнь, величие творческого духа, говорящие о бессмертии творений рук человеческих и пронизанные верой в грядущее, прекрасно выражают лейтмотив поэтического праздника, прошедшего в родной республике поэта.

Свыше ста писателей, представителей многонациональной советской литературы, литераторы других стран посетили родину Самеда Вургуна — город Казах и село Юхары Салахлы, в котором он родился. В эти дни здесь был открыт прекрасный сельский Дом поэзии, первый в республике. Символично, что в селе, находящемся на стыке трех братских республик — Азербайджана, Грузии и Армении, и олицетворяющем дружбу народов республик Закавказья, открылся такой прекрасный памятник поэту, чье творчество органично сочетает настоящий патриотизм с истинным интернационализмом.

Данью любви и уважения певцу Азербайджана стали многочисленные подарки, преподнесенные Дому поэзии имени Самеда Вургуна писательскими делегациями разных республик.

Посетили гости и открытую в Баку квартиру-музей замечательного поэта. С большой любовью в ней выполнена экспозиция, рассказывающая о жизни, литературном творчестве и общественной деятельности Самеда Вургуна.

18 ноября в Баку, во Дворце имени В. И. Ленина, состоялся торжественный вечер, посвященный 70-летию народного поэта Азербайджана Самеда Вургуна. В президиуме — руководители Коммунистической партии и правительства республики, представители литературной общественности Москвы и братских советских республик, писатели из Монголии, Чехословакии, Югославии, Англии, деятели культуры и науки Азербайджана, передовики социалистического соревнования. Вступительное слово произнес Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР А. И. Ибрагимов.

Со «Словом о Самеде Вургуне» выступил народный поэт Азербайджана, Герой Социалистического Труда Сулейман Рустам.

«Мы собрались на праздник в то счастливое время, когда народ, вырастивший Самеда и любящий его поэзию, прославляет себя новыми героическими победами на трудовых фронтах пятилетки, — сказал Сулейман Рустам. — Сегодняшний праздник — это праздник такой поэзии, которая неразрывными нитями крепко и надежно связана с Родиной, партией, народом. Корни этой новаторской поэзии, секреты ее искусства таятся в древнем неувядаемом наследии предков, а душа ее устремлена к светлым коммунистическим идеалам, к солнечному завтра».

Слова признательности, любви и уважения к жизни и прекрасным произведениям выдающегося поэта и гражданина Самеда Вургуна звучали в речах, с которыми выступили на торжественном заседании писатели и поэты — представители многонациональной советской литературы.

■

Цветы поэту. В селе, где родился Самед Вургун.

Фото Я. Халилова, Э. Тевосова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СТРАНЫ

26 ноября 1924 года была провозглашена Монгольская Народная Республика

Впервые с Монголией я познакомился еще в детстве по книгам русских путешественников. Пустынная, безводная, безлюдная, крайне отсталая и бедная страна — такой она была до победы Народной революции.

Встреча с Монгольской Народной Республикой ошеломляет. Мне посчастливилось побывать в этом году здесь трижды, я пролетел, прошел и проехал тысячи километров. И вот теперь, отбирая фотографии для публикации, я подумал о том, что рассказать языком фотографий об удивительном перевоплощении этой страны непросто.

Из любой точки Улан-Батора виден этот белый памятник на высокой горе Зайсан. В праздничные дни здесь особенно многолюдно, тысячи людей поднимаются на вершину горы, чтобы положить цветы к памятнику советским воинам-освободителям. (1)

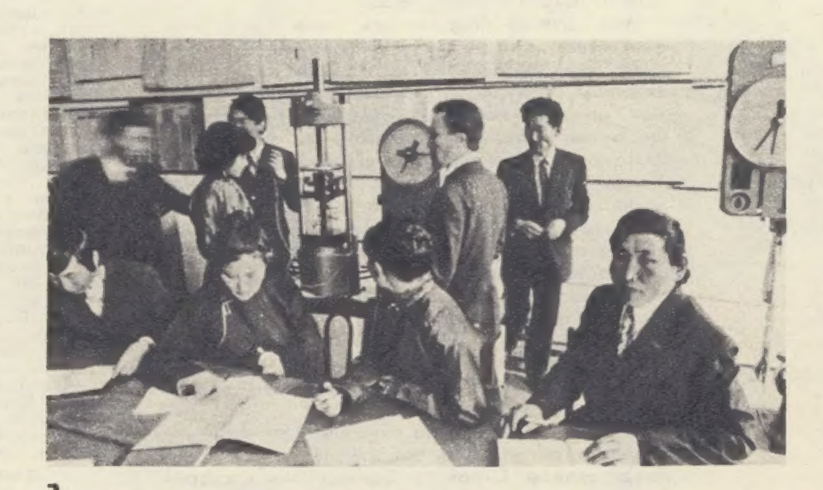
Монголию не зря называют страной молодых. Чаще всего в объективе я видел молодые лица. Этот снимок сделан в лаборатории сопротивления материалов Политехнического института. На пяти факультетах института готовят специалистов для многих отраслей народного хозяйства. (2)

Капитан Чадравал Бата — представитель уникальной для Монголии профессии. Он водит буксир «Сухэ-Батор» по изумрудному озеру Хубсугул. (3)

Таким я увидел с вертолета биокомбинат, где изготавливаются биопрепараты для ветеринарной службы страны. (4)

Перед вами всего лишь четыре фотографии — четыре отдельных фотографических момента, которые можно назвать штрихами к портрету современной Монголии, идущей по пути социализма.

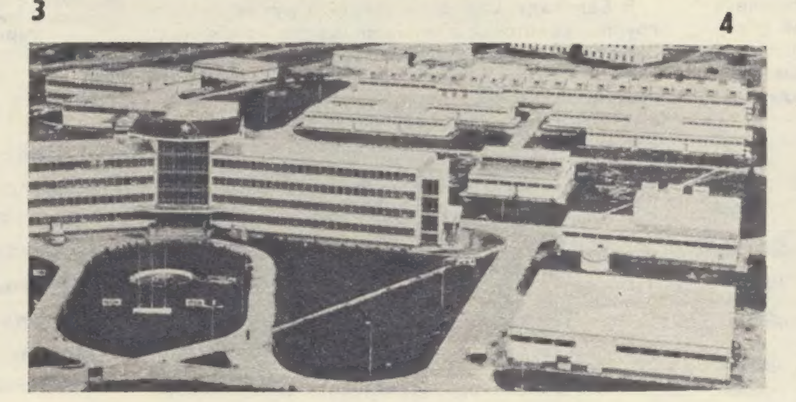
Г. КОПОСОВ, специальный корреспондент журнала «Огонек»

2

3

4

1

КАК ЖИВЕШЬ, ЗЕНИЦА?

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ЛЮДИ И МЕТАЛЛ

Добраться до Зеницы очень просто. Нужно взять билет на экспресс Белград — Сараево, и через четыре с половиной часа вы на месте. В купе шесть мест, два из них занимаем мы с Милорадом Добричем. Высокий, седоголовый черногорец два года был в Зенице собкором журнала «Илустрована политика», и поэтому редакция поручила меня его заботам. Недавно Милорад написал большой репортаж о строительстве металлургического комбината в этом городе. Он захватил его с собой в дорогу, и, едва поезд тронулся, я взялась за репортаж. Споткнулась на заголовке «У челичной кошницы». Как же это перевести?

— Вот, смотри, как много у нас похожих слов! — Добрич открыл блокнот, поделил чистую страницу чертой.— Тут я буду писать по-сербски, а рядом ты напишешь по-русски.

Он взялся за перо: «деца» — «дети» написала я, «молим» — «прошу», «хвала» — «спасибо», «радник» — «рабочий».

— «Как закалялась сталь» — по-сербски будет «Како се калио челик»,— подсказал Милан.

— «Челик» — это «сталь»? А что означает «кошница»?

— Это... дом, где живут пчелы!

— Улей?

— Вот, вот,— обрадованно подхватил Добрич,— улей!

Репортаж Милана назывался «В стальном улье».

Соседи по купе — пожилая семейная пара, красивая женщина средних лет и мужчина в очках — с явным интересом прислушивались к нашей беседе. «Рускиня?» — с улыбкой обратилась ко мне женщина. «Да, я русская». И тут разом заговорили все. Меня принялись расспрашивать, кто я такая, куда еду, где успела побывать в Югославии.

Маршрут в Зеницу одобрили все, и здесь, в экспрессе Белград — Сараево, я впервые услышала о том, что прославленный город металлургов называют ЮОН — Югославские объединенные нации.

— У нашего города древнее прошлое, но самые удивительные перемены здесь произошли всего два десятка лет тому назад,— объяснил мне попутчик в очках, как выяснилось, он заведовал клиникой в Зенице.

— Чтобы построить новый город, а главное, металлургический комбинат, сюда в сорок седьмом году съехались представители всей многонациональной Югославии.

Мне очень понравились наши попутчики, и разговор, который внезапно возник в нашем купе, тоже понравился, хотя порой казался уж слишком горячим. О чем же шла речь? О новых школах, новых фабриках, о километрах шоссейных дорог, библиотеках, больницах. Разговор шел серьезный; с цифрами в руках каждый старался доказать, что именно в его родном крае, в его городе, у него на работе дела идут лучше, чем у других. И суть этого горячего, заинтересованного обсуждения была проста: посмотрите, как много сделали мы, люди новой, социалистической Югославии, в своей стране!

За окном уже давно мчались сумерки. Но вот темноту внезапно прорезал огромный огненный факел. За ним второй, третий. Зарево Зеницы! Мы стали прощаться.

...А наутро я увидела город в строительных кранах, и он оказался совсем иным, чем я его представляла. Строится Зеница очень современно. Оригинальной архитектуры здания подсказывают, каким город станет в самое ближайшее будущее.

Слово «металлург» в этом городе чрезвычайно популярно. Так называется отель, где мы остановились, кинотеатр на соседней улице, кафе и многотиражная газета комбината, где я познакомилась с Миланом Митрашевичем, «отцом», как его зовут местные журналисты. Сорок лет назад был он единственным в городе журналистом. Он помнит «Железару», завод, где работало всего три тысячи рабочих. Он писал о знаменитой забастовке на руднике в 37-м году и о демонстрантах, которые несли по городу плакат: «Да здравствует Октябрьская революция!». И еще он писал о том, как много лет назад кипела здесь молодежная стройка. О молодых веселых ребятах и девушках, которые заставили Босну изменить русло, провели по берегу реки новую железную дорогу, засыпали и выкопали почти пять миллионов кубометров земли и положили почти пятьсот тысяч кубометров бетона!

— Это был первый этап рождения нового металлургического центра,— вспоминал он.— А теперь наш гигант, где работает тридцать тысяч человек, известен во многих странах мира. Второй этап строительства города и комбината мы связываем с 1961 годом. Тогда было подписано второе долгосрочное соглашение, на основе которого ленинградский институт «Гипромез» получил задание спроектировать новый комбинат. С той поры советские специалисты из самых разных городов прожили здесь кто по месяцу, кто по году, а кто и несколько лет.

В Белграде мне дали телефон руководителя группы советских специалистов на комбинате. Звоню по этому телефону. Трубка тотчас отзывается: «Котельников слушает!» Представляюсь и объясняю цель нашей командировки. Нас с Добричем тут же приглашают на комбинат к часу дня, сразу после «летучки».

Милан доволен — у нас в запасе остается почти три часа: «Едем к Фикрету Ибрагимпашичу. Это совершенно удивительный человек!» По дороге он рассказал. Фикрет появился в этом городе двадцать лет назад и сразу прослыл чудаком. Подумать только, чем занимается молодой юрист из городской скупщины — он собирает шутки, поговорки и уже больше двадцати тысяч собрал! Потом прошел слух о новом увлечении чудака — он ищет по деревням предметы старого быта, давние фотокарточки. Но однажды Ибрагимпашич пригласил горожан на выставку, которую он сам устроил в мансарде здания скупщины. Первыми ее увидели журналисты и ахнули. Появились статьи о том, как один увлеченный хорошей идеей человек сумел доказать, что в Зенице может и должен быть свой музей.

И он был торжественно открыт семь лет тому назад. Честно признаюсь, то, что я увидела здесь и узнала, меня поразило. Музей, где работает всего восемь сотрудников, за семь лет провел восемь археологических раскопок и уже имеет в фонде пять тысяч ценнейших находок. Директор показал нам пять постоянных выставок: историческую, этнографическую, археологическую, минералогическую, а также выставку живописи и скульптуры.

— Это единственный в стране музей, который организовал «путешествующую выставку памятников культуры Боснии», и она обошла сто городов и сел республики,— увлеченно объяснял Ибрагимпашич.— И это еще не все! В этом году мы ожидаем приезда ученых из СССР, Польши, Венгрии и Болгарии на очередной, уже 6-й международный симпозиум...

Мы уже прощались, когда директор, узнав, что нас ждут на комбинате, вернулся с папкой.

— Вот, взгляните, пожалуйста. Раздел пятнадцать дробь пять называется «Советские специалисты на «Железаре». Здесь — вся история сотрудничества с советскими металлургами. Кстати, они часто бывают в музее!

...В заводоуправлении нас ожидал Котельников. Игорь Владимирович отлично знает производство. Он работал на Днепропетровском металлургическом заводе, в Нижнем Тагиле, Макеевке. До поездки в Югославию долгие годы был директором Краматорского металлургического завода. Спрашиваю, как ему здесь работается.

— Стройка эта очень важная. Вся Югославия дает около трех миллионов тонн стали,— на Зеницу приходится миллион. Когда мы завершим этот этап строительства, комбинат даст стране два миллиона тонн стали,— не спеша объясняет Котельников.— Мы сразу строим конверторный цех, доменную печь, коксовую батарею, энергетический комплекс и другие производства. Словом, весь завод с полным металлургическим циклом. В проектировании его участвовали, кроме «Гипромеза», еще пятнадцать советских научно-исследовательских институтов.

...Вместе с Котельниковым мы отправились на комбинат. Гигантские металлургические конструкции его новых цехов и впрямь напоминали громадные стальные соты улья. Милан Добрич удачно назвал свой репортаж! Мы поднялись по дощатым лесенкам-времянкам в глубь «улья». Тут вовсю кипела работа. У центрального пульта управления конверторного цеха знакомимся с мастером-оператором Валерием Мокиным, технологом Алычем Фаиком и инженером Ивицей Ботичем.

Челябинец Мокин объясняет:

— Моя задача — к пуску цеха научить управлять ходом плавки двенадцать югославских друзей. Я буду стоять рядом на пульте, пока у них все не пойдет как надо.

— А как насчет языкового барьера?

— Так у нас свой язык металлургов,— отвечает Ботич,— мы прекрасно понимали друг друга с самого начала. И потом я, например, целый месяц учился у металлургов в Липецке.

— Верно,— поддержал его инженер-механик Сеад Чосич.— Советские специалисты — хоро-

●

В Новом Белграде.

«Передайте привет Москве!» — сказал крестьянин из города Яйце.

Партизанское кладбище.

Маленькие «заправщицы».

Танк-памятник в городе Бихаче.

Мостар. Этот мост через Неретву дал название старинному городу.

шие учителя! Я тоже многим обязан моим друзьям из Липецка, где я дважды побывал в командировках. А здесь мы крепко подружились с Юрием Бойко, он сюда приехал из Орска. Мы и после работы семьями, вместе с ребятишками часто проводим время...

Таких встреч в тот день было немало. Когда мы вернулись в заводоуправление, в моем блокноте оказался целый список имен и фамилий советских специалистов, которым югославские друзья непременно просили передать привет.

— Я тоже хотел бы на страницах «Огонька», который я регулярно читаю, искренне поблагодарить всех, кому довелось за эти пятнадцать лет помогать нам на разных этапах строительства комбината,— сказал заместитель генерального директора Трипо Миличевич.— Мы дорожим этим сотрудничеством. И очень многому научились у советских друзей.

Миличевич отлично говорит по-русски. Он говорит, что выучил его благодаря своим постоянным деловым поездкам в нашу страну.

— С чего мы начали? Мы реконструировали старое оборудование и сумели довести производство стали до одного миллиона тонн. Теперь мы экспортируем нашу продукцию в 20 стран мира и прежде всего в СССР. Следующий важный шаг мы сделали, опираясь на перспективный план, разработанный вместе с советскими специалистами. В итоге его будет внедрена современная, передовая технология производства стали и к 1980 году Зеница даст около 3 миллионов тонн стали. Мы оптимисты? Верно! Но оптимизм этот опирается на изучение советского опыта. В нашем тесном сотрудничестве мы видим главную реальную основу осуществления наших дерзких планов.

ГЕНЕРАЛА ЗОВУТ РОЗА

Незадолго до поездки в Югославию мне попалась на глаза небольшая заметка, всего несколько строк о том, что живет в Белграде первая и единственная в этой стране женщина с генеральскими эполетами. Мне захотелось познакомиться с нею, и друзья из журнала «Илустрована политика» помогли встретиться с генерал-майором Розой Папо.

Маленькая темноглазая женщина с короткой стрижкой седых волос энергично пожимает мою руку.

— Еще со времени войны я хорошо помню русский.— Привычным жестом она подносит ко рту сигарету.— Жаль только, по-русски говорю неважно.

Женственность, мягкость во взгляде и голосе, чуть глуховатом, негромком. И я призналась, что никак не могу представить ее военным человеком. Роза Папо смеется.

— Если уж быть откровенной, то я сама не представляла, что буду генералом!

Она затянулась сигаретой и, помолчав, продолжила:

— На днях у меня гостила подружка по гимназии. Она тоже врач и живет в моем родном городе Сараеве. Засиделись мы с ней допоздна и все вспоминали нашу юность.

...Жила на тихой улочке семья портного — отец, мать, двое братьев и две сестрички. Обыкновенная семья, где все любили друг друга, почитали и чуть побаивались отца. Дать образование детям отец и не мечтал. Откуда взять денег? Но Роза, которую так хвалили учителя, мечтала о том, что она станет врачом и будет лечить детей. Отец стал больше брать заказов на мужские костюмы и пальто: «Пусть хоть один из нашей семьи станет ученым!» Роза закончила гимназию с отличными отметками и стала студенткой-медичкой Загребского университета. И не было человека счастливее ее, когда с дипломом в руках она отправилась в Боснию, к месту своей первой в жизни самостоятельной работы.

— Я приехала в Бегов-хан, маленькое местечко неподалеку от Зеницы. Прежде Зеница была глухим провинциальным городишком, а Бегов-хан и того тише. Люди здесь жили бедно, в землянках, не зная, что такое кровать... Здесь была лесопилка, а при ней — амбулатория для бедных. Я единственный врач на всю округу. Порой мне давали дрезину, и я уезжала в горы к больным, но чаще всего добиралась за десятки километров пешком. Это было в сороковом году. А через год началось... В апреле слышу по радио: немцы напали на мою страну. Первая мысль — уйти в армию! Вскоре узнаю — югославской армии уже не существует, немцы захватили власть и отдали ее усташам — фашистам, а те стали создавать добровольческую армию — их называли «домобраны». Вскоре появились концлагеря, где тысячи ни в чем не повинных людей подвергались мучениям. Я увидела все это своими глазами, меня как врача «домобраны» приводили засвидетельствовать смерть. Это были кровавые дни, дни предательств и страданий... Узнав, что их сыновей призывают в армию, крестьяне приходили ко мне и умоляли: «Напиши, что он хворый». Я знала, чем рискую, но иначе не могла поступать. В те самые тяжкие дни коммунисты позвали народ к борьбе, и я жила только одной мыслью — найти партизан.

— Помните тот день, когда вы стали солдатом?

— Конечно! Это было в декабре сорок первого года. Мне удалось, наконец, установить связь с Озренским партизанским отрядом. Командир отряда Тодор Вулсинович, коммунист из Зеницы, знал о том, что я рвусь в отряд. Но как нарочно, меня перевели на работу в местечко Олово. «Домобраны» не спускали с меня глаз, они дорожили врачом, и мне разрешалось ходить по больным только в сопровождении их охранников. Однажды ночью я проснулась от выстрелов. Партизаны напали на Олово. «Домобранам» пришлось отступить. «Живо собирайся, пойдешь с нами!» — приказали они мне. «Сейчас медикаменты возьму!» — крикнула я и шмыгнула в погреб. На улице завязался бой. Тогда я выбралась из погреба и, увидев знакомых партизан, кинулась перевязывать раненых...

— Это и был ваш самый первый бой?

— Первый... Сколько же их было потом! Наша шестая Восточно-Боснийская бригада прославилась в боях.

— Какой из них вам показался самым тяжелым?

— Однажды за нашей партизанской больницей по пятам гнались фашисты. Бригада готовилась к сражению, а в обозе было сто тяжелораненых. Командир вызвал меня: «Больницу спрячем в тихом местечке. Даю тебе в охрану двадцать бойцов. В случае чего—уходите в горы!» А через несколько дней после ухода бригады крестьяне сообщили, что фашисты напали на наш след. Ночью мы ушли в горы, спрятав в пещерах тяжелораненых с двумя санитарами. Мы могли двигаться только с наступлением темноты, унося на носилках тех, кто не мог идти. Когда кто-нибудь из бойцов терял сознание от боли, мы останавливались, я делала ему укол, и мы шли дальше.

— А самый радостный, самый счастливый день партизанской жизни, каким он был?

— 21 октября 1944 года! В этот день наша бригада впервые встретилась с бойцами Советской Армии. Мы вместе освободили город Крагуевац. Какой это был замечательный день! Мы обнимались с советскими бойцами, целовались и плакали от счастья. Мы встретились так, словно знали друг друга всю жизнь. В тот день я впервые познакомилась с советскими врачами. И знаете, одного из них я даже встретила позднее в Ленинграде, когда приехала впервые в Военно-медицинскую академию.

— Вы сказали, что прежде и сами не представляли себя генералом, а между тем с армией вы так и не расстались после окончания войны?

— А ведь была уверена, что расстанусь! Я даже мечтала, как спрячу в шкаф свою военную форму и надену наконец красивое платье. Но тут выяснилось, что майор Роза Папо еще нужна армии и что она сама не может без нее жить! Дома, в Сараеве, меня ждала страшная весть: все, кого я любила, мои родители, братья, сестры,— все замучены фашистами. Из пятидесяти моих родственников уцелели лишь несколько человек. Страна была разорена, кругом горе и болезни. Мне поручили организовать хирургическую больницу. Потом я стала заведовать инфекционной клиникой Военно-медицинской академии, а семь лет назад стала председателем Главной военно-медицинской призывной комиссии страны.

...Прощаясь, я спросила генерал-майора, профессора Розу Папо, что она больше всего ценит в людях.

— Гуманность и доброту,— ответила она,— по-моему, надо в детях с детства воспитывать умение любить человека. Я всегда жалею тех, кому неведомо это счастье — служение людям. А если вы спросите меня, чего я больше всего хочу в жизни, я отвечу — мира на земле! Народы наших стран слишком хорошо знают, какой ценой он достается.

Зеница — Белград — Москва.

●

Так строится сегодня Зеница.
Дети — будущее страны.

50 ЛЕТ КИРГИЗСКОМУ ТЕАТРУ

«В ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ПРАВИЛЬНО»

Дм. БРУДНЫЙ,
кандидат искусствоведения

От первой театральной студии, созданной во Фрунзе осенью 1926 года, до сегодняшнего дня — краткий срок, меньше человеческой жизни. Но уже в самые первые годы рождения наметилось стремление первого профессионального театра Киргизии к творческому поиску. О начальных шагах киргизского театра Вл. Немирович-Данченко писал: «Работа идет в высокой степени правильно: не разрывается связь с величайшими произведениями общенародной культуры и в то же время вскрываются и очищаются от вековых наслоений самые зерна искусства каждой отдельной нации».

Мы с уважением называем сегодня тех, кто стоял у истоков: А. Куттубаев, К. Айбашева, О. Сарбагишев, Ш. Тюменбаев, А. Боталиев, К. Ешимбеков...

Первопроходцам не все сразу удавалось: у них не было школы. Но они были необычайно даровиты, стихийно сценичны. А уже следующее поколение киргизских актеров прошло выучку под руководством В. И. Качалова, М. М. Тарханова, В. А. Орлова, и это стало прочной основой для развития профессионального мастерства.

Театр и дальше оставался творческой лабораторией не только для актеров, но и для начинающих драматургов. Здесь зарождалась национальная драматургия: киргизский театр дал жизнь таким значительным пьесам, как «Материнское поле» и «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова, «Дуэль» М. Байджиева, «Обжалованию не подлежит» Т. Абдумомунова. Эти произведения с успехом идут в театрах страны. Сегодня на афише киргизского театра много новых имен, в том числе активно работающие драматурги: Ш. Бейшеналиев, Б. Джакиев, Д. Садыков, Б. Омуралиев, Э. Токтогулов, М. Тойбаев.

Разумеется, невозможно всех перечислить, назвать весь многолетний репертуар. Но нельзя не сказать, что драматурги Киргизии стремятся отразить важнейшие проблемы современности, а актеры своим искусством помогают глубокому их осмыслению и яркому воплощению.

Киргизская театральная культура развивается в русле реализма: театр серьезно освоил русскую и мировую классику.

В театре выросли мастера сцены, выдающиеся артисты: М. Рыскулов, Б. Кыдыкеева, Д. Куюкова, А. Боталиев, Н. Китаев, С. Джаманов, С. Кумушалиева, а рядом с ними встают и талантливые художники среднего поколения. Растет и смена. Молодежь учится в Московском театральном училище имени Щепкина, а на сцене родного театра проходит стажировку.

Республиканский театр давно перестал быть единственным. От его факела зажглись театральные коллективы в Оше, Пржевальске, Нарыне.

В Киргизии интенсивно развивается кинематография. И не удивительно. Успехи современного национального кино определяются опять-таки уровнем актерского искусства. Киргизские актеры кино вышли из театра. Их интересное, зрелое мастерство уверенно проявляется и на сцене и на экране.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Один из основоположников советской литературы, выдающийся поэт и общественный деятель Николай Семенович Тихонов, с первой же своей книги «Орда» заявил о себе как замечательный мастер поэтического слова, как художник, живейшим образом откликающийся на основные проблемы молодой тогда советской культуры.

Участник двух войн — империалистической и гражданской,— он уже в книгах своей поэтической юности создавал первые баллады, прославляющие патриотизм народа и воинские подвиги Красной Армии, стойкость и отвагу ее бойцов, освобождавших землю нашей Родины от белогвардейцев и интервентов. Героический строй баллад сразу вводил в атмосферу борьбы за правое советское дело. «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей» — эти его строки о большевиках стали привычным выражением того времени, вошли в народные массы как пословица.

Молодой автор с удивительной ясностью и точностью определил свой дальнейший путь в поэзии и жизни:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Так и сталось в дальнейшем. Николай Тихонов всю жизнь с неугасимой страстью поэта говорит о родной советской земле, о ее людях, об их делах во имя мирной созидательности труда. «Жаждою творить», видеть, познавать непосредственно проникнуто все его творчество. На всех этапах многолетнего пути.

Его книги (а их несколько десятков) давно уже вошли в сокровищницу советской культуры, полюбились массовому читателю у нас и за рубежом, потому что они в целом — поэтическая летопись всех больших событий отечественной и международной жизни. После второй своей книги «Брага», отмеченной стремлением к сюжетной остроте, к революционной романтике, он создал обширный цикл с характерным названием «Поиски героя», где наряду с формальными опытами развивал основную линию своего творчества — борьбу за становление характера человека нового общества.

Тихонов одним из первых ввел в советскую поэзию описание быта, нравов, природы братских республик нашего многонационального содружества — главным образом народов Средней Азии и Кавказа. К 20-м годам относятся его творческие поездки по среднеазиатским республикам, давшие живой материал циклу стихов «Юрга» и книге поэтических очерков «Кочевники». После гостеприимной

О В

Средней Азии молодого поэта как брата принимают азербайджанские селения, старинные города Армении, высокогорные районы Осетии (Николай Тихонов — испытанный альпинист), аулы сванов, зеленые долины солнечной и виноградной Грузии. Дружба с грузинскими поэтами открывает новую страницу его творческой биографии: переводы лирики Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе, Паоло Яшвили, Симона Чиковани и других, а также собственные «Стихи о Кахетии».

Одновременно рождалась и проза. Рассказы и путевые очерки Н. Тихонова показывают его как пытливого и неутомимого исследователя человеческих судеб в революции, удивляют точными и приметливыми описаниями всего, что довелось ему видеть в южных и юго-восточных краях нашей страны. Проза эта так тесно связана с его поэзией, что порою кажется продолжением стихов. Она обретает жизнь на почве подлинных фактов, лично увиденного и услышанного, но, разумеется, живет в атмосфере художественного правдоподобия. Это книги рассказов «Военные кони», «Вечный транзит», повести «Вамбери», «От моря до моря», «Война». Последняя из них замечательна тем, что в ней, создавая картины вооружающегося западного империализма, автор предвидит ту грозную опасность, которую несет миру копящий силы фашизм.

В 1935 году Николай Тихонов, как участник парижского Конгресса в защиту прогресса и мира, посещает многие страны Западной Европы. Собственными глазами видит он социальные противоречия капиталистического общества и неуклонно растущие силы протеста рабочих масс, истинных друзей Страны Советов. Возвратясь на Родину, он выпускает одну из лучших своих стихотворных книг, которую назвал «Тень друга». Она проникнута уверенностью в том, что тень защитников мира и свободы, уже пугающая хозяев-поработителей, становится для них грозной реальностью.

Завершались 30-е годы. Душное предгрозье висело над Европой. Мир стоял на пороге неслыханных катастроф, перед лицом надвигавшегося на него фашизма.

Бронированная Германия Гитлера, растоптав Бельгию и обойдя линию Мажино, вторглась в пределы Франции. Советские люди с тревогой следили за развертывающимися грозными событиями. Николай Тихонов, в это время один из руководителей Ленинградского отделения Союза писателей и деятельный член ЛОКАФа (Литературное объединение Красной Армии и Флота), организованного Вс. Вишневским, печатал стихи в журналах и газетах о бдительности, о воспитании советского патриотизма.

В полной зрелости таланта пришел он к тому времени, когда и нашей Родине суждено было вступить в бой с черными силами фашизма.

В суровые зимние месяцы финской кампании Николай Тихонов с первых же дней — военный корреспондент газеты «На страже Родины» и непосредственный участник боевого наступления наших войск на Выборг. Впечатления этих фронтовых переживаний отражены в его стихотворном цикле «Палатка под Выборгом». А когда фашистская лавина обрушилась на границы Советского Союза, ленинградец Н. Тихонов сразу влился в ряды защитников родного города на Неве. В жестоких условиях блокады он во главе писательской группы при Политуправлении Ленинградского фронта часто выезжает на боевые участки обороны, вместе с рядовыми ленинградцами терпит тяжкие испытания холодом и голодом блокадных дней. Его мужественный голос звучит по радио, с газетных полос, с фронтовых листовок. Величественная поэма «Киров с нами» в своем упругом, маршеобразном ритме дышит уверенностью в близкой победе. В невероятно трудных условиях прифронтового быта наборщики набирают текст его книги «Ленинградский год», в которой в правдивых и точных очерках очевидца и непосредственного участника событий проходят картины мужественной борьбы великого города. О воинских подвигах Красной Армии, вставшей непреодолимым для врага заслоном на близких подступах к Ленинграду, вдохновенно говорят и стихи другой тихоновской книги той поры, «Огненный год». Важная литературная работа Н. С. Тихонова в годы войны увенчана Государственной премией СССР. Этой высокой награды Родины удостоен он еще в 1952-м, а в 1970 году ему присуждена Ленинская премия.

И в мирное тридцатилетие неустанно продолжался благородный труд поэта-гражданина. Выходят одна за другой его книги, он неизменный участник международного движения сторонников мира, часто ездит в страны Запада и Востока. Верный давней своей теме — дружбе народов Советской Родины, он пишет книгу стихов «Грузинская весна», повесть «Белое чудо», книгу воспоминаний «Двойная радуга», книгу повестей и рассказов «Шесть колонн» и многое другое.

Долголетний литературный путь Николая Семеновича Тихонова теснейшим образом связан с его многосторонней общественной деятельностью, он и поныне просто не представляет себя без нее. Одно дополняет, поддерживает другое. Все время идет их взаимное обогащение. Писатель-гражданин, он также председатель Советского комитета защиты мира, член Всемирного Совета Мира, депутат Верховного Совета СССР нескольких созывов, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Герой Социалистического Труда и многолетний секретарь правления Союза советских писателей.

Когда читаешь книги Николая Тихонова, его стихи и прозу, встает образ человека, воплотившего в своем духовном облике лучшие черты советского трудового и вдохновенного своим трудом характера. В мужественном голосе тихоновской лирики и публицистики есть непререкаемая сила убежденности, сказавшаяся и в самых твердых интонациях голоса, в яркой выразительности образов, всегда взятых из живой действительности, в самой поступи его стремительных ямбов и анапестов. Стихи эти всегда живой рассказ, волнующий автора и заражающий ответным волнением читателя. Николай Тихонов многое видел в окружающей жизни, в людях и природе тех мест и стран, где довелось ему побывать, и ничто не прошло мимо его мысли и воображения, по-своему преломляясь в стихах, со своим отбором выразительных деталей, своим строем то эмоционально приподнятой, то простой, обиходной речи. Поэтический словарь Тихонова богат, разнообразен, метафоры смелы и неожиданны — это целый кладезь образов и для читателя и для исследователя-филолога.

Начав в юности с романтического увлечения героическим пафосом строительства нового мира, пестротой и яркостью этнографических и природных примет увиденных вновь краев и стран, пройдя через неизбежную полосу стилистических опытов и исканий, поэт в годы полной творческой зрелости вышел на широкий простор реалистического стихосложения. То, что рождается из-под его пера, давно уже стало классикой советской поэзии. Во всеоружии накопленного годами мастерства и жизненного опыта встречает Николай Семенович Тихонов свое восьмидесятилетие. Хочется сказать о нем его давними, но живыми посейчас словами:

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Представьте мысленно вместо названия грузинской речки Алазань широкое слово Жизнь, и вас сразу же овеет вечной молодостью истинной Поэзии, неразлучной спутницей породившего ее времени.

После вручения Н. С. Тихонову международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
Слева направо: Сахиб Синг Сокхей (Индия), Н. С. Тихонов, Анна Зегерс (ГДР).

Н. С. Тихонов с кинооператором Рондели в горах.

Н. Тихонов, Р. Рза, П. Тычина, Б. Кербабаев, П. Бровка, А. Прокофьев.

Н. С. Тихонов и М. Бажан у могилы Грибоедова. Снимок 1966 года. Публикуется впервые. Фото А. Гурвича.

Николай ТИХОНОВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Забытое, знакомое пятно,
Прозрачный призрак мотыльковый,
Но бабочка порхает через сон,
И птицей на уста садится слово.

Расширились летящие крыла,
Повисшие над бездной голубою,
И вот уже не птица — а скала
С начертанной неведомой резьбою.

Но камень — камень только первый миг,
В нем проросли колонны вечных зданий...
О мысль моя, ты — только первый лик
Даруемых душе обетований.

●

Крутили мельниц диких жернова,
Мостили гать, гоняли гурт овечий,
Кусала ноги ржавая трава,
Ломала вьюга мертвой хваткой плечи.

Мы кольца растеряли, не даря,
И песни раскидали по безлюдью,
Над молодостью — медная заря,
Над старостью...— но старости не будет.

●

Не было ни дней, ни вечеров
И родней, и радостней, и чище,
И вкуснее не вкушал я пищи,
Веселей не слышал слов,
Чем сейчас на летнем перепутье...
Вот как я, такими ж, люди, будьте!

Отчего ж так ясно хорошо?
Будто жизнь тяжелую, большую,
Что как буря стлалася, бушуя,
Прожил я и уложил в мешок.
И легко на плечи ношу взбросил,
И пошел — и вот к тебе приду,
Кто же у возлюбленной не просит
Встречи в комнате или в саду.

Но и ты, и ты меня не встретишь,
Вся в чужие перешла глаза,
Даже и случайно не заметишь,
Даже не оглянешься назад.

И теперь мне только небо снится,
В голубой расту, расту пыли,
Так легко колеблет крылья птица,
Перед тем как улететь с земли.

АТАКА ПОД РОДЕНПОЙСОМ

Последний длинный луч заката
Я помню до сих пор.
Мы дрались, как во времена Мюрата,
Рубя в упор.

И с каждым взмахом становились злее,
Жестоким был тот час,
И враг, спеша нас перебить скорее,
Шел на плечах у нас.

Дышало небо звездными красами,
Безмолвием маня,
Под выстрелами долгими часами
Я не слезал с коня.

И там, где лес снаряды гнули,
Я придержал коня.
Других кругом искали пули,
Но не меня.

В покое смутном сердце билось,
Был час, как образ сна,
Я знаю: за меня молилась
На Севере — одна!

●

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

●

Когда уйду — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнятся пятна,
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

●

Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

●

Разве жить без русского простора
Небу с позолоченной резьбой?
Надо мной, как над студеным бором,
Птичий трепет — облаков прибой.

И лежит в руках моих суглинок
Изначальный, необманный знак —
У колодцев, теплых стен овина
Просит счастья полевой батрак.

Выпашет он легшие на роздых
Из земной спокойной черноты
Жестяные, согнутые звезды,
Темные иконы и кресты.

Зыбь бежала, пала, онемела,
А душа взыграла о другом,
И гайтан на шее загорелой
Перехвачен песенным узлом.

Земляной, последней, неминучей
Послужу я силе круговой —
Где ж греметь и сталкиваться тучам,
Если не над нашей головой?

ИСКАТЕЛИ ВОДЫ

Кую-Уста зовут того, кто может
Своим чутьем найти воды исток.
Сочти морщины на верблюжьей коже,
Пересчитай по зернышку песок,—

Тогда поймешь того туркмена дело,
Когда, от напряженья постарев,
Он говорит: «Колодец ройте смело,
Я сквозь песок узнал воды напев».

Но он кустарь, он только приключенец,
Он шифровальщик скромненьких депеш,
В нем плана нет, он — как волны свеченье,
И в нем дикарь еще отменно свеж.

Его вода равна четверостишью,
Пустыне ж нужны эпосы воды,—
Он как бархан, он времени не слышит,
Он заметает времени следы.

Но есть вода Келифского Узбоя, —
Но чья вода? Победы иль Беды?
И там глядят в ее лицо рябое
Глаза иных искателей воды.

Они хотят вести ее далеко —
Через Мургаб, к Теджену, — оросить
Все те пески, похожие на локоть,
Который нужно все же укусить.

Они правы, они от злости пьяны,
Они упрямы: должно рисковать —
Невероятным водяным тараном
Пробить пески, пустыню расковать.

Им снятся сбросы, полчища рабочих
И хлопок — да, — десятки тысяч га:
Их в руку сон — земля победы хочет,
Она зовет на общего врага.

Кую-Уста глядит на инженера
С большой усмешкой, скрытой кое-как.
Тот говорит: «Ты думаешь, химера?
А это, брат, вполне возможный факт!

Твои колодцы, что же, это крохи...
А мы Узбой наполним наконец...» —
Они стоят сейчас, как две эпохи,
Но победит великих вод ловец!

ЛЕНИНГРАД

Петровой волей сотворен
И светом ленинским означен —
В труды по горло погружен,
Он жил — и жить не мог иначе.

Он сердцем помнил: береги
Вот эти мирные границы,—
Не раз, как волны, шли враги,
Чтоб о гранит его разбиться.

Исчезнуть пенным вихрем брызг,
Бесследно кануть в бездне черной —
А он стоял, большой, как жизнь,
Ни с кем не схожий, неповторный!

И под фашистских пушек вой
Таким, каким его мы знаем,
Он принял бой, как часовой,
Чей пост вовеки несменяем!

ЦИНАНДАЛИ

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный,
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

Потому, что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому, что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому, что я прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел, на скалы непохожий,
Непохожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

ПИСАТЬ СИЛЬНО И СМЕЛО

Хочу познакомить читателей «Огонька» с письмом Н. С. Тихонова, которое он прислал мне в январе 1958 года с ответами на мои вопросы о писательском труде и литературе. Тогда я был студентом, учился на последнем курсе Московского педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза, готовился к самостоятельной литературной работе. Строки, написанные Н. С. Тихоновым, его писательский опыт, его советы, несомненно, интересны и полезны для молодежи, начинающей свой путь в литературе.

И. МИХАЙЛУСЕНКО

«Вы не знаете, как приступить к созданию, как Вы пишете, своего собственного литературного произведения,— писал мне Н. С. Тихонов,— и просите меня ответить кратко на вопросы, которые по своей сути представляют один из основных вопросов писательской деятельности, и очень трудно ответ на них уложить в два-три слова. Ну, однако, попробую.

Вопрос ПЕРВЫЙ: Все ли можно писать?

Вернее, Вы хотите спросить, обо всем ли можно писать? По-моему, писатель пишет о всем том, о чем он не может не написать. Если, как говорил еще Лев Толстой, Вы можете воздержаться и не писать о том, что Вы задумали, то, значит, и писать не надо об этом. Только такая необходимость, такая страсть, какая начнет Вас терзать ежедневно, еженощно, такое мучение души и тела, от которого нет спасения, заставит Вас писать стихи или прозу, над вымыслом слезами обливаясь и позабыв все остальное.

Тогда никакие мелкие соображения, никакие боковые, не главные мысли, никакие формальные приемы и приемчики не смогут изменить кипящего, летящего потока Вашего вдохновения.

Все, что растворится в этом потоке, будет явлением того большого искусства, которое поражает умы и сохраняет свое действие на следующие поколения.

Примеры наших классиков тому порукой. Там у них, у этих мастеров слова, Вы найдете все оттенки жизни, все темные и светлые видения жизни, все виды любви и ненависти, все описания человеческих сложных отношений; святых и бесноватых, преступников и героев.

О всем можно писать, только писать сильно и смело. Написанное мелко, с расчетом на сегодняшнюю сенсацию, с оглядкой на друзей и врагов, с тайными соображениями, с темными расчетами, долго не живет. Оно может даже шуметь, но отшумев, оно исчезает, как будто его и не было.

Вопрос ВТОРОЙ: Как писать?

У каждого писателя и поэта, как Вы, наверное, заметили, есть свой язык, есть своя образность.

Я, например, люблю прозу сжатую, точную, простую, легкую, без длинных, запутанных фраз, а стих люблю такой, где в первую голову ощущается слово, слово, которое должно звенеть, петь, плакать в строке, иначе это не стих, а проза, зарифмованная построчно. Виденное, слышанное, воображаемое, которое дополнит первые два элемента,— составные части любого произведения. Но надо, чтобы жизнь Вашего сочинения была сосредоточенней и богаче факта, взятого Вами из гущи быта, вырванного из хроники дня или века. Писать надо так, чтобы, если Вы пишете страшное, — волосы бы вставали дыбом у читателя; если Вы хотите внушить ему благородную страсть патриота, идущего умирать за революцию, за Родину,— пишите так, чтобы читатель сам вскочил и готов был на подвиг, вслед за Вашим героем, чтобы он в Ваших героях чувствовал себя, простого человека, взыскательного читателя, которого, как старого воробья, на мякине не проведешь.

Вопрос ТРЕТИЙ: Когда писать?

Я не понимаю этого вопроса. Идет ли речь о том, где найти время для литературного труда, или Вы говорите о том, что не знаете, в какие времена что писать?! Отставляя второй вариант как бессмысленный, возвращаюсь к первому. Пишите всегда, когда Вам станет нестерпимо хотеться остаться с пером и бумагой наедине. Возьмите, почитайте — есть такие сборники, озаглавленные: «Классики о писательском труде», «Советские писатели о писательском труде». Там найдете бездну указаний на то, как и когда писать. Каждый избирает свой метод, один любит писать ночью, другой днем, третий на воздухе, как Маяковский, ходя по улицам и бормоча себе под нос, другой в одиночестве, иной в холодной комнате, иной, как Достоевский, отвернувшись от всего, лицом к стене или, как Гоголь, стоя за конторкой и т. д.

Вообще почитайте, об этом много написано...

Вопрос ЧЕТВЕРТЫЙ: Как Вы пишете?

Я столько раз отвечал на этот вопрос в своей жизни, что на этот раз позволю себе самую скромную краткость. Мне приходилось писать в самых разных условиях, и я очень жалею, что из-за многих обстоятельств не мог писать каждый день, как это рекомендует А. П. Чехов. Я писал и пишу запоем, т. е. засев, уже стараюсь не отрываться, независимо от того, занимает ли работа день-два или недели и месяцы. Это веселое время, когда Вы пишете. Почти ничто не существует для Вас, кроме Ваших героев или строк, звучащих непрерывно в Вашем мозгу. Я очень люблю писать осенью, глубокой осенью,

когда в лесу тяжелая листва, пестрые, богатые краски, когда небо особо темнеет, по-осеннему светятся озера и реки; хорошо осенью сосредоточивать мысли, чувствовать полноту земли, нервный жар города, глубину осенних ночей и пустоту успокоенных темных полей, горы в первом новом снегу...

Относительно того, что, как говорили французские символисты, мысль можно выразить только одной-единственной фразой и нужно найти эту фразу, то это эффектно, но неверно. Вы должны находить такую фразу, где бы Вы выразили себя с предельной передачей всего, что Вы именно хотели сказать, и это не так легко. Но зато не жаль потратить труд на выражение именно того, что Вы хотите передать. И искусство Ваше будет заключаться в том, что слова встанут так, как только Вы их сосредоточите — и больше никто другой. Вот за эту оригинальность, которая дает Вам право на собственный почерк, Вы и должны бороться.

А эффектных афоризмов сколько угодно. Что стоит одна строка Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь...» Если Вы так примете ее, как закон поэтической речи, то тут и конец. Чего стараться, если чем больше скажете, тем больше солжете?!

Так что дело не в афоризме, а намного сложнее.

А на вопрос: должен ли писатель много путешествовать, чтобы видеть и знать все? — я бы ответил так: в наше время, когда само время, сами достижения современной техники, сами идеи пожирают пространство, когда в самолет влезают так же естественно, как в восемнадцатом веке в дилижанс, когда поговаривают, как о вещах обычных, о полетах на планеты, о тайнах космоса, как прежде поговаривали об Африке, истоках Нила или о жизни на Амазонке, писатель не должен уж так ревностно держаться за один клочок земли. Конечно, надо видеть как можно больше, знать как можно больше. В этом есть даже какая-то своеобразная экономия. Ведь прочесть все (книги о всех странах) — невозможно, да и книги не угонятся за быстрыми переменами, которые происходят на земле. А тут приедешь, увидишь все своими глазами и повторишь китайскую мудрость: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Если есть возможность, надо ездить по земле, надо видеть и родную страну и другие страны.

Вот что я написал Вам кратко, ибо ни время, ни обстоятельства не позволяют мне писать ответы, заполняя десятки страниц. А писать, отвечая на Ваши вопросы, можно целыми книгами, что, кстати, уже и сделано. Отсылаю Вас к уже упоминавшимся книгам писателей о писательском труде.

А самое главное, что, разговаривая с Вами, как с молодым литератором, я даже мысленно не могу представить, какого Вы жанра: поэт, прозаик, драматург??!!

Ну, все равно, если хотите писать — пишите. Только знайте — ох, и тяжел хлеб литератора. Только со стороны покажется, что это жизнь легкая и причудливая. Не верьте, молодой человек, но и не бойтесь трудностей. Желаю успеха!

Николай ТИХОНОВ».

СМОЛЬНЫЙ, ОКТЯБРЬ 1941

З. ХИРЕН

В гулких длинных коридорах Смольного, на широкой мраморной лестнице, в кабинетах — всюду вооруженные люди. Кто-то обвешан гранатами, у кого-то на плече трофейный автомат... Машины, доставившие всех этих людей, остались в близлежащих переулках. В Смольном — штаб Ленинградского фронта. Среди тех, кто сюда устремился, можно встретить ленинградских писателей и журналистов, а поздней ночью приезжают московские военные корреспонденты, чтобы передать по военному проводу в свои газеты последние сообщения о боях. На втором этаже, в небольшой комнате, группа ленинградских писателей, среди них — Николай Семенович Тихонов, похудевший, осунувшийся, со впалыми щеками. Со вчерашнего дня в газетах появились тревожные сообщения Совинформбюро о боях под Москвой. Города и села в сообщениях обозначены произвольными буквами. Николай Семенович подолгу топчется в своих старых, разбитых валенках возле карты. В одной руке у него последний номер газеты, а другой водит он по карте на стене. Николай Семенович очень хорошо знает пригороды Ленинграда, а вот Подмосковье меньше. К тому же карта не такого масштаба, чтобы по буквочкам, упомянутым в газете, правильно сориентироваться. Стеганые солдатские штаны заправлены в темно-коричневые голенища валенок. Не очень складна, в особенности для бывалого гусара, как шутит над собой Тихонов, и гимнастерка. Действительно, Николай Семенович успел захватить и первую мировую войну, служил в гусарах, а Отечественная — его четвертая война. У Николая Семеновича — ясный, внимательный взгляд. Но в эти минуты глаза Тихонова совершенно беспомощны. Поэт топчется возле карты и, как ни напрягает зрение, не может найти те населенные пункты, которые обозначены в газете буквами. Он вслух называет то одно, то другое подмосковное селение и вопросительно глядит на меня. Почему именно меня выбрал в советчики? Несколько дней тому назад я прилетел из Москвы в Ленинград и в первый же вечер оказался в этой вот комнате. Но вряд ли смогу быть полезным поэту. Когда улетал я из Москвы, главным направлением считалось Ленинградское. А сейчас Вяземское, а за ним поток закодированных направлений. Но Николай Семенович, продолжая свои поиски, вдруг вскрикивает:

— При чем тут буквы «М», «С»... Немец бродит по Бородину. Это совершенно ясно,— заключает писатель, и звучат эти слова, если хорошенько вслушаться, как были они произнесены: «Господи, неужели они уже в Бородине?!»

На другой день встретил Николая Семеновича на Кировском заводе. Окопы фашистов находятся всего лишь в четырех километрах от заводских корпусов, а завод продолжает выпускать танки «КВ», несмотря на то, что попадают сюда осколки снарядов, иногда весом в пуд.

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.

Николай Семенович, забравшись на снарядный ящик, читает в одном из цехов строки будущей поэмы «Киров с нами». Эти стихи написаны буквально вчера ночью на улице... Но нет ни одного человека, в том числе и в писательской комнатке в Смольном, кто бы хоть раз видел, как Николай Семенович пишет. Чаще всего он делится с кем-нибудь впечатлениями о последней поездке на передний край, хотя в Ленинграде сейчас всюду передний край.

Где и когда пишет Тихонов стихи в эти дни, повторяю, действительно никто не знает. Но слова «Железные ночи Ленинграда» родились, если можно так выразиться, на глазах у всех. После беспокойной ночи писатели возвращались из Смольного домой. Николай Семенович с Виссарионом Саяновым спешили к своим семьям, а мы, московские военные корреспонденты,— в свою «Асторию». Обычно в предрассветные часы в городе наступает относительная тишина. Немец спит. Правда, город продолжает дымиться и греметь от рушащихся стропил крыш, целых квартир, повисших в воздухе, обваливающихся стен. Но однажды, когда так шли мы по городу, в необычный час начался сильный артобстрел. И Николай Семенович, как бы продолжая разговор с самим собой, произнес громко:

— Это железные ночи Ленинграда. Чувствуете? Железные!

А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Саянов в годы войны.

ГОРДЫЙ МИР ПОЭТА

Слова «путь писателя» в сочетании с определением «творческий» имеют значение чисто метафорическое и указывают на время, но не на пространство. Взгляд на поэзию и прозу Николая Тихонова возвращает нас к первоначальному и буквальному смыслу «пути». Достигнув высот мастерства уже в годы далекой молодости, раздарив монументальной крепости строки братьям по перу на эпиграфы, Тихонов, как по высокогорному плато, шел вперед, не сбиваясь с единожды взятого ритма. Этапы жизни страны и жизни мира становились вехами его творчества, отмечали себя новыми темами на страницах книг Николая Тихонова. Необозрима и «география» творчества и неразрывно связанной с ним общественной деятельности поэта, прозаика, публициста, вступающего сегодня за рубеж восьмидесятилетия.

Исследование творческого пути Н. С. Тихонова, предпринятое В. Шошиным — «Поэт романтического подвига»,— представляет собой работу, в которой речь идет о человеке, с пером и пальмовой ветвью мира обошедшем едва ли не всю планету, об Интернационалисте с большой буквы.

Тема Индии. В его стихах она возникла еще в годы гражданской войны, с появлением одного из первых подлинно интернационалистических произведений советской литературы — поэмы «Сами». Рассказывая о ее создании, исследователь ведет нас в глубь истории, истории захвата Индии колонизаторами, освободительного движения в стране. Из этого рассказа вытекает другой — об отражении этого экзотического края мастерами слова, о развитии колониальной литературы, о том, как впервые раздались тихие голоса либерального сочувствия угнетенным народам, еще далекие от гражданского пафоса певца национально-освободительных движений в Индии — русского поэта Николая Тихонова. Не только певца, но и провидца.

В. А. Шошин. Поэт романтического подвига. Очерк творчества Н. С. Тихонова. Ленинград, «Советский писатель», 1976, 432 стр.

В ту минуту никто из нас не предполагал, что слова лягут в поэму, и с первыми ее строфами поэт выступит перед рабочими, кующими под свирепым огнем врага победу. А сейчас вот Тихонов, спустившись со снарядного ящика, беседует с окружившими его людьми. Они расспрашивают его о положении под Москвой. Николай Семенович сообщает, что удалось ему установить, изучая карту, вчера вечером в Смольном...

Однажды поздно ночью Николай Семенович подает мне рукопись. Причем с несвойственной, я бы сказал, робостью.

— Поглядите, — говорит. — Может, подойдет для «Красной звезды»?

Вместе читаем очерк, интересный очерк, но после обсуждения приходим к выводу, что о нынешних железных ночах можно отправить в Москву что-нибудь более значительное. Дело в том, что Николай Семенович написал о военнопленных фашистах. Таких материалов в газетах много, и шлют их с разных фронтов. А вот о Ленинграде все хотели бы прочитать что-то другое, что-то такое, о чем еще никогда не писалось, потому что еще никогда в истории человечества не было того, что происходит в эти часы в городе на Неве. Николай Семенович опечаленно вглядывается в плотно зашторенное окно.

— Вот хотя бы взять «Севастопольские рассказы» Льва Николаевича,— развиваю мысль дальше.— Ведь как ни говорите, а то, что происходило тогда в Севастополе, ни в какое сравнение не идет с тем, что сейчас в Ленинграде.

Нет, с подобным Николай Семенович решительно не согласен. Не вправе мы так судить о своих соотечественниках, проявивших в прошлом столетии истинный героизм. Да, ленинградцы ведут себя стойко. Но зачем противопоставлять их севастопольцам?

Однако в конце концов соглашается, что, конечно же, можно, нужно создать серию «Ленинградских рассказов»...

— Типа «Севастопольских»,— добавляю. Тихонов улыбается:

— Ну, тоже, скажете!

Я-то знаю, что дело тут не только в свойственной Тихонову скромности, но за ночи в Смольном успел заметить в писателе еще одну черту,— не любит он, когда ему подсказывают темы, предлагают воспользоваться подготовленным кем-то материалом. Он пишет всегда лишь о том, что видел своими всевидящими, «оптическими», глубоко проникающими в души и умы героев великой войны глазами.

...Пройдет время, и мы вновь встретимся с Николаем Семеновичем. Но уже в Москве, и будет это ранней весной. Из Бородина Советская Армия прогонит фашистов в январе. Поэт за это время еще больше похудеет, осунется. И вот сидит он в одной из редакционных комнатушек и пишет очередной «ленинградский рассказ». Да, да, один из тех, который был задуман тогда ночью в Смольном. Редакционная буфетчица принесет поэту чай с бутербродами, а тот грустно скажет:

— Куда столько!

А затем, выйдя вдвоем на улицу, станем вспоминать многое, в том числе и строчку о железных ночах Ленинграда. Николай Семенович смешно зажмурится от весеннего солнышка, фыркнет чисто по-тихоновски, и, глянув на свои видавшие виды, разбитые валенки, не без смущения спросит:

— А не скажете, где сейчас хоть какие-нибудь сапоги яловые раздобыть?

* * *

Война уже кончилась. Случайно глубокой осенью встречаемся с Николаем Семеновичем в Сухуми. Оказывается, наши комнаты в гостинице рядом. Вечером поэт стучит ко мне в комнату, просит зайти к нему, знакомит с женой Марией Константиновной, интересуется, что привело меня в Сухуми. Отвечаю: «Берлин». Тихонов с недоумением глядит на меня.

— Да, да, Берлин,— повторяю.— Дело в том, что только что вместе с группой других литераторов закончили большую книгу «Штурм Берлина», а сейчас собираюсь в старинное абхазское село Бедия, хочу повидать там одного из героев книги, в последний раз виделись в рейхстаге. Это Мелитон Кантария.

Тихонов смеется.

— Ну, знаете, скажу вам, масштабы...

Выясняется, что Николай Семенович успел написать, пока жил в гостинице, гору стихов. Есть у него желание почитать их. И вот почти каждый вечер, как когда-то в Смольном, встречаемся в тихоновском номере. Без устали читает стихотворение за стихотворением. Одно из них, судя по всему, ему самому сильно нравится, и он его читает дважды. Признаться, оно и мне пришлось по душе. И я прошу еще один раз прочитать.

— Нет, нет,— смеется Тихонов. Тогда сам повторяю последние строчки стихотворения «Умирающий бамбук», посвященного смерти воина-лыжника на войне.

Недвижно лежит,
    И слышится смутно ему,
Как Черное море
    Шумит через белую тьму.

Николай Семенович не скрывает своего удовлетворения, а я предлагаю ему отдать все стихи мне для «Огонька».

— Нет, нет,— отвечает он.

— Николай Семенович, ну хотя бы «Руки сборщицы чая» отдайте, ну, и обязательно «Умирающий бамбук».

Николай Семенович завтра улетает в Ереван и просит, чтобы я ему сообщил свой адрес.

Проходит время, я уже дома, в Москве, и почтальон приносит один за другим два толстых пакета со стихами, а с ними и письма. Привожу их здесь.

«Я не мог отправить вам обещанных стихов из Еревана, так как там в юбилейной суматохе невозможно было найти времени для этого, потому что сразу за юбилеем был пленум, отнявший все свободное время. В Тбилиси я попал как раз в дни Казбеги и только сегодня посылаю Вам стихи. Как мы уговорились... Ваше извещение о получении стихов и об их судьбе я вас попрошу сейчас же написать мне по такому адресу... Буду благодарен, если заодно вкратце сообщите московские новости. В поездках своих отбился от газет... Буду работать весь октябрь, а в ноябре вернусь домой. Приветствую вас сердечно.

Николай Тихонов

P. S. Машинка была неисправна, пришлось писать заглавными буквами».

А через пять дней получил следующее письмо и опять с кипой знакомых мне стихотворений:

«11 окт. Сагурамо. Дорогой Зигмунд Абрамович! Приветствую Вас из такой глуши, где я живу почти без всякой связи с миром. Сижу и работаю с утра до вечера. За окном дождь и холод. Обложен тучами, как Казбек. Очень благодарен Вам я и Мария Константиновна... Теперь о другом. Я даже не знаю, получили ли Вы первую пачку стихов, посланных Вам из Тбилиси письмом 5 октября. Но как мы уговорились, посылаю вторую пачку — стихотворений: На Храмгэсе, Умирающий бамбук, Киров на Казбеке и Перед ночной Арагвой.

«Киров на Казбеке» в цикл не входил, но его можно печатать вместе. В основание этого стихотворения положено подлинное описание восхождения Сергея Мироновича на Казбек, сделанное им 9 августа 1910 г. и описанное им в статье, напечатанной в газете «Терек» № 3815 от 2 сент. 1910 года. Я нарочно сохранил в стихах его ощущения, и поэтому в стихотворении есть известная романтичность, как дань времени. Подробности точны, и даже про «злодея» у него специальные строки. Это описание восхождения было перепечатано в наше время в журнале «На суше и на море» перед войной. Буду ждать Вашего ответа с нетерпением...» А мне, читая тогда строки, посвященные стихотворению «Киров на Казбеке», подумалось, до какой же степени поэт верен своей теме, ведь он опять вернулся к герою поэмы, которую он впервые прочитал перед рабочими Кировского завода под артиллерийским обстрелом врага.

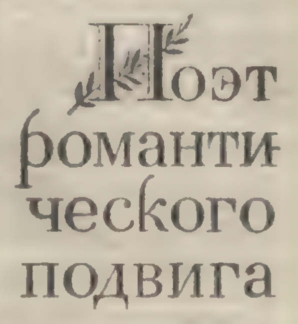
Цикл стихов под названием «Грузинская весна» был опубликован в «Огоньке», затем вышел отдельной книгой, получил Государственную премию.

Судьба рассудила так, что поэт стал свидетелем свершения мечты и сам ступил на землю Индии, освобожденную от ига колонизаторов.

История национального пробуждения полуколониальных окраин России также нашла глубокое отражение в творчестве Николая Тихонова. В. Шошин убедительно показывает, как быстро достиг совершенства поэт в «восточной» теме, минуя эпидемию «экзотики» стиля.

Главы книги о Тихонове: «От сердца к сердцу», «Кочевники», «Кавказ», «Грузия» — обогащены тем, что В. Шошин в свое время задался целью пройти по нашей стране дорогами своего героя и в Грузии задачу эту выполнил. Страницы, посвященные значению Грузии в жизни и творчестве Тихонова, изобилуют точно подмеченными деталями, которые нельзя написать с чьих-то слов, ни вычитать, ни выдумать.

В дни ленинградской блокады город и фронт слышали голос Тихонова, пламенные строки его стихов, статей, рассказов... Тихонов

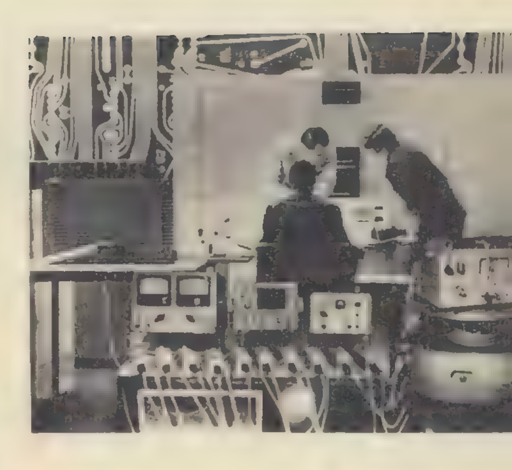

родился в Санкт-Петербурге, стал поэтом в Петрограде, но судьба его — Ленинград. Именно в час великих испытаний города на Неве была создана поэма «Киров с нами».

Поэт был редким гостем в своей собственной квартире на Петроградской стороне Ленинграда. Лишь в одной главе назван его домашний адрес. Глава эта носит название «Подвиг». Ибо речь идет о том времени, когда жизнь в собственном доме была подвигом. И поэт свершил его. Но Тихонов не просто жил. Он боролся. Ежедневно.

Послевоенная поэзия и проза Николая Тихонова неразрывно связаны с его многогранной общественной деятельностью. Дороги поэзии преодолевают государственные границы, с миссией дружбы и мира поэт странствует по земле. Книга В. Шошина «Поэт романтического подвига» — своеобразный путеводитель в мире Тихонова, «гордом мире справедливости, добра и красоты».

М. ХОЛМОГОРОВ

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ

КОНТРОЛИРУЕТ ИНТРОСКОП

Человеку, чтобы измерить свою температуру с помощью обычного термометра, нужно потратить минут пять—десять. А вот радиометр делает это за считанные мгновения. Достаточно провести рукой перед его объективом, и на табло вспыхнет цифра вашей температуры, измеренная с точностью до сотых долей градуса.

Но основное назначение нового прибора не в этом. Он найдет самое широкое применение в промышленности, везде, где нужно определять температуру исследуемого объекта, совсем не прикасаясь к нему.

Прибор создан коллективом Научно-исследовательского института интроскопии.

Наш корреспондент обратился к директору института доктору технических наук профессору В. В. Клюеву с просьбой рассказать о деятельности руководимого им коллектива.

— Интроскопия, — говорит Владимир Владимирович,— означает «внутривидение». В это понятие вложено содержание одного из основных направлений работы нашего института—создание методов и средств неразрушающего контроля качества изделий. Действие новых приборов основано на использовании ультразвука, радиоволн сверхвысокой частоты, магнитных и электромагнитных колебаний.

Вместе с профессором В. Клюевым мы проходим в демонстрационный зал института.

Перед нами электронно-оптический рентгеновский интроскоп. Он применяется для контроля качества сварных соединений, литья и электронной аппаратуры. Такой прибор видит насквозь раковины, внутренние трещины. Проверяет стальные детали толщиной до 50, алюминиевые — до 150 миллиметров.

Рядом другой прибор — инфраскоп, который с помощью инфракрасных лучей обнаруживает дефекты пластиков, фанеровки, облицовки и многих других материалов.

Институтом создан ряд приборов медицинской диагностики. Это новые рентгенодиагностические комплексы с усилителями яркости рентгеновского изображения, тепловые и ультразвуковые приборы, которые позволяют контролировать раннюю стадию развития еще не родившихся малышей, дают изображение внутренней структуры глаза человека и т. д.

За последние пять лет институтом внедрено в серийное производство более пятидесяти типов приборов неразрушающего контроля и диагностики.

Г. ГОЛЬШТЕЙН

На фото: результаты измерений обрабатываются на ЭВМ.

ЗЕМЛЯ НА ВОСХОДЕ

В. КУЗНЕЦОВ, Л. ПЛЕШАКОВ, Л. ШЕРСТЕННИКОВ, специальные корреспонденты «Огонька» Фото авторов

На промысел «Сероглазка» уходила следующим утром. И хотя в запасе оставались почти целые сутки, здесь уже царил тот особый дух, который бывает на корабле лишь перед выходом в море. Еще суетятся на причале снабженцы, еще с автомашин поднимают на траулер какие-то ящики, мешки, бочки. Еще по внутренней трансляции вызывают к тралу штурманов и механиков для решения последних неотложных дел, еще оформляются отходные документы, что-то согласовывается, утрясается в последний раз, но все понимают: душой корабль уже в море. Потому что все главные дела уже завершены, двигатели отлажены и готовы, хоть сейчас в дальний путь, закреплены по-походному снасти, и только лебедки, которым завтра выбирать швартовы, еще не зачехлены, ждут своего часа, когда с мостика раздастся: «Отдать кормовой!.. Отдать носовой!.. Продольный!..»

Тогда они, глухо заурчав, станут набирать на барабан шлаги канатов, только что сброшенных с причальных кнехтов, поднимется бурун за кормой, и когда начнет расти просвет между стенкой и бортом траулера, из динамика грянет щемяще знакомый марш «Прощание славянки».

Это будет завтра. Но прощается с землей корабль сегодня. И уже начался отсчет времени, которое осталось до возвращения к родным берегам.

...В каюте капитана «Сероглазки» властвует Тарас. В свои шесть лет он еще не улавливает тонкостей, понятных взрослым. Сегодня ему просто хорошо: отец, обычно такой занятой человек, не расстается с ним целый день. Тарас знает: это случается не часто. А сейчас куда ни идет капитан Петр Носич, следом — сын: в кают-компанию, ходовую рубку, машинное отделение. Отличный день, когда всё разрешают. Пока отец говорит с корреспондентами, Тарас заканчивает очередной шедевр: по синему морю плывет белый пароход, во весь борт которого печатными буквами написано: «Сероглазка». В правом верхнем углу рисунка румяное веселое солнце с глазами, носом, ртом и зелеными лучами. Внизу прямо по морской воде написано: «Папе».

Полдюжины точно таких же картин уже висит на стенах капитанской каюты. И завтра вся эта флотилия «Сероглазок» отправится к Курилам.

— Знаете,— отвлекается от нашего разговора Носич,— больше всего связывают с берегом дети. Моему шесть, а видел его в общей сложности года полтора. Это если вместе с отпуском, когда шесть месяцев кряду пробыл на материке. А так только в межрейсовые стоянки, по месяцу, не больше. Раньше в море всегда видел одни и те же сны: наш дом и сад над речкой Хоморой на окраине украинского городка Полонное. А теперь вижу во сне только жену да сына. И наш новый дом в Сероглазке.

Мы слушаем рассказ двадцатидевятилетнего капитана, стараемся понять и уловить в его биографии детали, общие для многих жителей Камчатки, и выделить частности, характерные лишь для него.

После десятилетки он поехал вместе с двумя одноклассниками поступать в клайпедскую мореходку. Поступил. Во время практики рыбачил на севере и на юге. Окончив в 1967 году училище, решил «распределиться» на Камчатку. Почему?

— Просто захотелось пересечь весь Союз с запада на восток. С юга на север путь уже прочертил,— объясняет он.

Выбор покажется случайным и несерьезным. А он, Петр Владимирович, как приехал в поселок Сероглазка — это на окраине Петропавловска-Камчатского,— так с тех пор тут и работает, на одном и том же корабле — «Сероглазке». Начинал матросом, в прошлом году стал капитаном. Сменил пять должностей и соответственно пять кают. В 1969 году, будучи уже штурманом, женился на подруге детства, и вот уже три года Вера тоже живет на Камчатке.

Так в общих чертах выглядит жизнь камчадала Петра Носича. Не будем утверждать, что все, с кем нам пришлось тут встречаться, в точности повторяли его жизненную схему. Есть у каждого своя изначальная точка отсчета камчатского стажа, есть свой личный нюанс. Но имеется у всех и нечто общее.

Ну, например, то, что все или почти все ехали сюда на время: на сезон, на год, на три. Ехали просто посмотреть далекий, овеянный романтикой край с намерением вернуться домой, как только надоест. Шло время, «один сезон» растягивался на годы, десятилетия. И «сезонщик» уже никуда не хотел отсюда уезжать, а улетев в отпуск, на материк, торопился обратно. Любопытная деталь: каждый называл точную дату, год, месяц, день, когда он впервые приехал на Камчатку, как знаменательный рубеж в жизни, который запоминаешь навсегда.

Может быть, это ощущение временности пребывания на полуострове сохранилось с той поры, когда основное дело камчадалов носило временный, сезонный характер. Долгие годы экономика полуострова опиралась не на трех, как принято говорить, а на одного кита: морской промысел. И хотя он был «деликатесен» (крабы, лосось, знаменитая камчатская селедка), удобен (лов можно было вести у самого побережья) и обилен (во время хода рыбы многочисленные прибрежные заводы не управлялись с переработкой), все равно главная отрасль области, ее становой хребет, оставалась убыточной: напряженная путина сменялась долгим затишьем, съедавшим заработанное тяжелым трудом. Малый промысловый флот, удобный и дешевый при ближнем, прибрежном лове, не мог уходить далеко в океан и большую часть года оказывался не у дел.

Потом наступили и вовсе не легкие времена: резко упала добыча. Последовавшие вслед за этим запреты на лов одних видов и жесткие лимиты на промысел других явились мерами, обращенными в будущее. Они должны были содействовать возрождению былой славы камчатской рыбы и в то же время ставили под сомнение целесообразность традиционного способа ведения промысла да и самого существования многочисленных мелких рыбозаводов побережья.

Рыбный промысел по-прежнему остался основой экономики области. Но структура его изменилась. Михаил Федорович Ушаков, секретарь Камчатского обкома партии, беседуя с нами, рассказал:

— Сейчас малый флот и ставные невода дают всего десять процентов рыбы. Остальной улов — за активным океаническим и морским промыслом.

Решение всей рыбной проблемы наш собеседник видит в комплексном подходе к ней. С одной стороны, необходимо строго регулировать вылов на основе научных исследований и рекомендаций. С другой — необходим строгий учет и реализация всего, что добыто. Нужно использовать все, что дает море, даже те малоценные и непищевые породы рыб, которых раньше не брали. Сейчас они идут на корм в крупные звероводческие фермы — это новая и, как показывает опыт, перспективная отрасль хозяйства области. Особые надежды возлагают на клеточное разведение норки — зверька, завезенного на полуостров человеком, как, впрочем, и ондатры, белки, тетерева и других видов ценного зверя и промысловой дичи.

Довольно крутой поворот в «рыбной ориентации», который произошел в последнее десятилетие, не мог не привести к далеко идущим последствиям. В прежние времена, когда промысел базировался на маломощные рыбозаводы и обходился малым флотом, не было нужды в портах, оснащенных современным оборудованием, способных принять и обработать большегрузные суда. Странное дело, но полуостров, любой населенный пункт которого находится от побережья не далее чем в ста с небольшим километрах, имел лишь один современный порт — Петропавловск-Камчатский. Такая «сухопутная» ориентация сейчас дает о себе знать. Петропавловск стал не просто административным и культурным центром области, но и главным промышленным городом, где проживает более половины ее населения.

Мощная флотилия судов, приписанных к Петропавловску — сотни единиц, что тралят Тихий океан по обе стороны экватора,— отдыхает в Авачинской губе после рейсов, ремонтируется, готовится к промыслу. В их облике ничего не осталось от суденышек, некогда утюживших море у здешнего побережья. И капитаны и штурманы выбрали профессию не по случаю, не на сезон — на жизнь, как Носич, как его товарищи по трудному делу моряка. Вот только осталось от прежних «сезонных» времен мнение, будто Камчатка — это ненадолго. Идут годы,— оказывается, навсегда.

• • •

...Николай Андреевич Павлов, председатель усть-камчатского рыболовецкого колхоза «Путь Ленина», когда разговор зашел о тех, кто приезжает на время, бросил реплику, которая показалась сначала не особенно убедительной, пожалуй, даже парадоксальной:

— Тут все приезжают на год, а остаются на двадцать лет, становятся камчадалами.

Сначала показалось, что он имеет в виду свою личную судьбу. Из тридцати двух лет военной службы четверть века он отдал Дальнему Востоку. И когда в начале 1972 года пришло время уходить в отставку, капитан первого ранга Павлов не поехал в родные места, на Черное море, а уже через три недели после демобилизации возглавил рыбоколхоз в Усть-Камчатске.

Но он имел в виду, оказывается, не себя. Как было уже не раз во время нашего разговора, Павлов назвал бригадиров Ивана Купцова и Василия Соколова, двух передовиков, чьими делами гордится колхоз и к кому председатель, как мы поняли, имеет особое расположение.

— Оба приехали на одну путину, а Иван тут уже двенадцать лет, Соколов и вовсе с пятидесятого на Камчатке лосося ловит. Да разве одни они так?

Купцов и Соколов представляют ту категорию рыбаков, что промышляли в прибрежной

●

Петропавловск — ворота Камчатки. Командорские острова. Колонии морских котиков.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Осенняя страда на реке Камчатке.

зоне традиционным способом те самые десять процентов нынешнего улова Камчатки, о которых нам говорил М. Ф. Ушаков.

В 1960 году девять мелких рыболовецких колхозов, созданных на реке Камчатке еще в тридцатые годы, объединились в один — «Путь Ленина». Это было не простое укрупнение хозяйства, а совершенно новый этап в его жизни. Люди бросили старые таежные деревушки и сселились в центральную усадьбу артели, что расположилась на одной из кос в устье реки. Сейчас усадьба колхоза «Путь Ленина» — современный поселок.

Бригада Купцова, шестнадцать здоровяков, загорелых, продубленных ветром, большинство в бородах, встретила нас радушно. Угостили ухой, засыпали вопросами о «материке».

— Ведь мы больше месяца не были на берегу,— объяснил Иван Купцов.— Как стали здесь двадцать второго июля — так никуда: путина! Ну ничего — еще недельки две...

К берегу от кунгаса бежало оранжевое многоточие поплавков. Километровая сеть как бы соединяла суденышко с берегом, но и разлучала с сушей рыбаков. Наверное, это особенно обидно: видеть рядом землю, слышать, как шумит, дробясь о нее, прибой, и не иметь возможности ступить на твердь, которая не гуляет под ногой, а лежит спокойно и надежно.

Когда мы побывали в бригаде Василия Соколова, слова Н. А. Павлова — «приезжают на один год, остаются на двадцать лет» — дополнились деталями, которые наводили на дальнейшие размышления. Например, два старших сына Соколова — шоферы. Рыбаками они становятся только на время путины. Среди других членов бригады — люди самых разных профессий, среди которых многие прилетели с «материка» на лето. Такая же ситуация и в других бригадах. Например, у Ивана Купцова только три человека — здешние. Остальные приехали на время лова.

Опять сезонность работы, порождающая сезонную психологию? Пожалуй, нет. Приезжают работать сюда действительно на время, но работают постоянно. Ничего не поделаешь: путина коротка.

...Каждый из нас, авторов этого репортажа, не в первый раз на Камчатке. Но далекий полуостров, как ни одно другое место в стране, интересен всегда: и в первый, и во второй... и в десятый раз даже более интересен, потому что сам ты уже многое видел в этом краю, значит, более отчетливо замечаешь все новое, что появилось за последние годы.

Мы собирались писать о вулканах. Тема эта повернулась неожиданным образом. Как-то так получилось, что встречи с вулканологами, разговоры с ними привели к убеждению: вулканизм — не только экзотика, настала пора практического использования этого явления.

О конкретных перспективах рассказал нам Юрий Иванович Харченко, главный геолог Камчатского геологического управления, организации молодой, в короткое время не только успевшей вырасти, но и делами заявить о перспективности этой отрасли. Что здешняя земля содержит полезные ископаемые, известно давно: находили тут угли, золото, серебро, ртуть, полиметаллы, самородную серу. Но долгое время до оценки этих богатств не доходили руки. Теперь страна имеет возможность получше заглянуть в недра самой восточной своей области и начать их использование.

— Драгоценный экспонат,— Юрий Иванович достает из шкафа в своем кабинете неказистую бутылку с желтоватой жидкостью.— Наша, камчатская нефть. А бутылка сработана в Гусь-Хрустальном из нашего же камчатского сырья. Опытный образец. Найдено сырье для производства цемента. Озерновское месторождение пемзы может обеспечить этим ценнейшим строительным материалом весь Дальний Восток. Найден перлит, который используется для тепло- и звукоизоляции. Или возьмем подземные термальные воды, которыми славится Камчатка. Сейчас мы находимся только у начала практического использования этого чудесного дара природы, а результаты уже обнадеживают. Странный парадокс: люди всегда считали, что вулканы приносят только стихийные бедствия, и в то же время старались селиться к ним поближе: теплая вода, плодородный пепел. Для нас же, геологов, они представляют еще больший интерес: значительная часть полезных ископаемых залегает в породах вулканического происхождения, так что на Камчатке горное дело имеет большое будущее.

...И вот еще о чем хотелось бы рассказать. Встреч с этими людьми мы не искали. Но всегда и всюду они оказывались рядом.

Это были туристы. Огромная, многоликая по возрасту и профессиям армия. Мы решили повнимательней к ним присмотреться.

Кто они? В гостинице «Аваче» мы встретились с группами из Эстонии, Латвии, Украины, Сибири. Позже повидали ленинградцев, москвичей, жителей Закавказья, Средней Азии. Жителям Прибалтики эта поездка обошлась в пятьсот рублей, москвичам чуть дешевле, сибиряки укладывались в четыре сотни, но все должны были затратить деньги немалые.

Зачем же они ехали? Самый исчерпывающий ответ: «Это же Камчатка!»

Что же тут можно увидеть? Вулканы. И самый большой из действующих на Земле — Ключевскую сопку. Горячие источники, гейзеры, лежбище котиков и сивучей. Можно посетить бухту Командора, где находится одинокая могила Витуса Беринга. Побывать у оленеводов и рыбаков. Пройти тропой в непролазных зарослях каменной березы. Пофотографировать птичьи базары, касаток, преследующих косяки лососей, идущих на нерест. Можно добраться до мыса Лопатка, этого северного мыса Горн, а в Пенжинской губе увидеть тринадцатиметровые приливы.

Можно еще долго перечислять, ради чего стоит отправиться в такую даль...

Но словно специально созданный для туризма край оказался к этому делу мало приспособленным. Нет гостиниц, баз, не разработаны маршруты. Недавно для туризма закрыли Долину гейзеров.

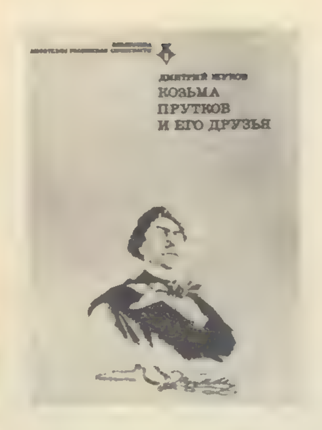
Не хотим огульно выступать против всех преград на пути камчатского туризма. Есть здравый смысл и в них. Область, по территории равная Болгарии, Югославии и Венгрии, вместе взятым, сумела сохранить своеобразие и красоту нетронутыми лишь потому, что населяет ее чуть больше трехсот тысяч человек. «Антропогенный фактор» легко мог бы лишить здешнюю природу многих ее прелестей.

Как-то один из нас беседовал с Софьей Ивановной Набоко, доктором геолого-минералогических наук, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, которая еще в 1936 году первой из женщин поднялась на Ключевскую сопку. Говорили, естественно, о вулканах. Софья Ивановна вспомнила о своей недавней поездке в Японию на международный симпозиум по вулканизму, проходивший в районе термальных полей Хаконе. Так вот, даже этим всемирно известным специалистам в области вулканологии не было позволено подойти вплотную к источникам, наблюдать разрешали со специальных смотровых площадок: заповедник.

Сейчас в Долине гейзеров приступили к строительству капитальной туристской базы и смотровых площадок. Но Долина гейзеров еще не вся Камчатка. Здесь немало других притягательных для туристов мест, которые уже испытывают тягость от их неорганизованного нашествия. «Закрыть» эти места для путешествий не выход и не решение проблем. Оно в другом. Мы привыкли к тому, что Камчатка «стоит» на рыбе. Это верно и поныне, хотя уже пришло наконец время заняться богатствами ее недр, которые вскоре могут стать второй надежной опорой здешней экономики. Но мы все еще никак не можем по достоинству оценить третьего «кита» — массовый туризм. Природа тут создала для него идеальные условия. Человеку остается только с умом их использовать.

●

«Сероглазка» вернулась к родным берегам.
Тысячи будущих рыбьих жизней. Сохранить их поможет рыборазводный завод.
У берегов полуострова.
Матрос с катера «Манометр» Леонид Ганькин.
Лесные богатства.

«ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО» КОЗЬМЕ ПРУТКОВУ

Даже в русской литературе XIX века, поистине изобилующей звездами первой величины, Козьма Прутков — явление в своем роде, безусловно, уникальное и достойное самого внимательного изучения.

«На современном этапе Прутков, кажется, окончательно стал классиком, которого опасно трогать,— не без юмора, с обескураживающей «серьезностью», в манере высказываний героя своей книги замечает Дм. Жуков.— Многие современные поэты усердно подражают ему, а его афоризмы заменяют хлеб насущный газетным работникам». Да что там говорить! Все мы, часто того не замечая, цитируем меткие словечки и фразы директора Пробирной Палатки: «Бди!», «Никто не обнимет необъятного», «Смотри в корень» и другие.

История мировой литературы знает немало мистификаций, эта же, «родителями» которой были А. К. Толстой и братья А. М., В. М. и Ал. М. Жемчужниковы, избравшие коллективный псевдоним, несомненно, одна из талантливейших. Сами по себе подобные мистификации, как известно, не более чем каприз, профессиональная забава для писателя. Так случилось бы и на этот раз, если вдруг «забыть» то счастливое обстоятельство, что создали ее одаренные, остроумные и глубоко эрудированные люди, «друзья Козьмы Пруткова», для которых была глубоко небезразлична общественная и литературная жизнь своего времени. Панорама ее четко и многосторонне просматривается в творчестве этого никогда не существовавшего поэта. Остроты Пруткова били по чванству большого света и провинциальной ограниченности, обнажали аномалии государственного, самодержавного устройства, николаевской казенщины, высмеивали славянофилов и апостолов чистого искусства. Его шутки и пародии всегда звучали свежо и злободневно.

Появившись в печати в феврале 1854 года, имя Пруткова затем прочно утвердилось на страницах «Современника» и «Искры». Формально не принадлежа ни к какой партии или литературной группе, Козьма Прутков объективно стоял на стороне прогрессивных сил России.

Увлекательно, порою просто с блеском написал обо всем этом Дм. Жуков в книге о Пруткове. Она состоит из двух частей — литературно-критического очерка «жизни и творчества К. П. Пруткова» и историко-биографического исследования, посвященного А. К. Толстому и братьям Жемчужниковым. Надо сказать, оба раздела, решенные в одном стилевом ключе, напоминающем местами слог самого достославного Козьмы, воспринимаются, несмотря на неоднородность решаемых в них задач, как единое целое, читаются «на одном дыхании». Много интересного и полезного почерпнет читатель из этой книги, явившейся результатом многолетнего творческого поиска. Не все, наверное, в ней бесспорно, может быть, чересчур смелы отдельные догадки и гипотезы Дм. Жукова. Он и сам сознает это. Во вступлении, или «Необходимом предуведомлении», как называет его автор, он заранее решает «взять на себя весь груз упреков и обвинений». Но очевидно другое. Читатель, хорошо знающий Дм. Жукова по книгам «На руинах Вавилона», «Загадочные письмена», «Аввакум Петров», все равно вряд ли подойдет к новой его работе без известной доли доброй «предвзятости»,— он останется благодарным писателю за дружеское «похвальное слово» Козьме Пруткову.

А. ХОЛОДКОВ

Дмитрий Жуков. Козьма Прутков и его друзья. М., «Современник», 1976, 382 стр.

В степи под Минусинском растет электроград.

адреса великих свершений

РАЗБУЖЕННЫЕ САЯНЫ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

«О НАС ПИШИТЕ!»

«...Построить первую очередь комплекса электротехнических заводов в г. Минусинске».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

В Минусинске нам с погодой явно не везло. Только выехали — и попали, как и в прошлый раз, под дождь. Но вот туча, обогнав нас, устремилась вперед, выкатилось солнце. Город будто летел нам навстречу, приветствовал своими ослепительно белыми новостройками, звал: «Добро пожаловать!».

Николай Иванович Соколовский, председатель горисполкома, называл новые микрорайоны, один, другой, третий. Перечислял, что в них есть, и тут же оговаривался: «Но нам этого мало. Не хватает общежитий и яслей. Строители электротехнического комплекса план этого года по жилью уже выполнили, выделены дополнительные средства. За десятую пятилетку мы должны получить полмиллиона квадратных метров жилья. Разрабатывается генплан застройки. Центр переместится за Енисейскую протоку».

Для деревянного, с торговыми лабазами, 150-летнего Минусинска наступила пора второй молодости. Нам говорили: «Приедете десять лет спустя и не узнаете купеческого города-села». От него останутся, вероятно, лишь знаменитый музей Мартьянова — гордость города и дома, помеченные мемориальными досками. В Минусинске много раз бывал В. И. Ленин, работал в библиотеке этого музея, останавливался у своих друзей-революционеров». Мы приехали через пять лет и с трудом в нем ориентировались.

Но главные события, однако, разворачиваются не в самом Минусинске, а в двенадцати километрах от него. Надо вырваться на простор Усинского, печальной памяти тракта. Много людей прозвенело по нему кандалами. Знали его декабристы, народники, большевики. Явь нынешних дней создала ему иную славу, славу дороги-труженицы. Идут по ней грузовики со щедрыми плодами этой земли — хлебом и овощами: Минусинский, Шушенский, Ермаковский районы — житница, кормилица края. А навстречу им идут контейнеровозы, рефрижераторы, панелевозы, нефтевозы в соседнюю братскую Туву. Идут через горные головокружительные хребты и перевалы в Абазу и к Ак-Довураку. Минусинские водители — в городе сосредоточено мощное автотранспортное хозяйство — эту дорогу над облаками называют дорогой мужества.

А если свернуть направо, у стенда с указателем «Всесоюзная ударная комсомольская стройка» пролегает другая дорога — тоже дорога мужества, стальная магистраль Абакан — Тайшет. Это по ней, разведывая трассу, проходили с теодолитом в руках поздней осенью 1942-го, пробивались сквозь мерзлую тайгу к стынущему во льдах Казыру трое бесстрашных — Кошурников, Журавлев, Стофато... По этой магистрали спешат теперь тяжелогруженые составы к Байкалу, Братску и БАМу. И не простое совпадение, что на равнинном пространстве между этими двумя пульсирующими артериями заявлена новая ударная комсомольская — стартовая площадка нынешнего поколения.

...Братья Сас прибыли из Краснокаменска. Мы увидели прежде Николая — молодого инженера, начальника монтажного участка. Он сидел в прорабке и сердито вызывал кого-то по телефону. Потом вышел к нам:

— Краснокаменск — это совсем недалеко от станции Кошурниково... В Краснокаменске мы строили рудник. Крупнейший. Руда великолепная. Если б не дорога Абакан — Тайшет, к ней бы, наверное, никогда не подобрались. Железную руду будут добывать открытым способом. А теперь вот здесь электротехнический комплекс строим.

Сас обвел рукой корпуса, высвеченные голубыми вспышками сварки.

— Прямо перед вами завод нестандартизированного оборудования. Это еще будет, конечно. Дальше завод высоковольтных вакуумных выключателей. Начало. Первая очередь. Вон там, ближе к железной дороге, где пополз поезд от Абакана к Тайшету,— наша стройбаза.

Двенадцать заводов будет здесь! В два раза больше, чем на КамАЗе. Автогигант в Набережных Челнах стал вершиной индустриального строительства 70-х годов XX века. Какое же образное слово подобрать тогда для этой стройки под Минусинском? Одна-

Окончание. Начало см. в № 44.

ко не только в количестве заводов суть. На Каме они построены для производства в конечном счете одного продукта общественного труда — автомобиля. Тут готовое изделие будет выпускать каждое предприятие. Одно — турбогенераторы, другое — крупные электрические машины, помощнее тех, которые получит Саяно-Шушенская ГЭС; третье — силовые трансформаторы, четвертое — высоковольтную аппаратуру, пятое — кабель... И каждое из них станет вполне автономным — и вместе с тем связанным друг с другом. Чем? Не только источниками электроэнергии и тепла, общей ТЭЦ на 420 мегаватт (первая очередь), подъездными путями, подземными коммуникациями, инструментальным и складским хозяйством. Будет завод, поставляющий всем этим предприятиям крупные сварные узлы и детали. Опыт таких всемирно известных объединений, как «Сименс» в ФРГ и «Дженерал электрик» в США, показал, что компактная структура наиболее рациональна. К этому же выводу привели и расчеты советских специалистов: расходы, если заводы ставить раздельно, возросли бы на 100 с лишним миллионов рублей.

Что же касается географии, то трудно было бы выбрать более удачное место: отсюда рукой подать до главных потребителей электротехнической продукции — каскада гидро- и тепловых электростанций, которые будут сооружены в Сибири и на востоке страны. На всей огромной территории от Урала до Тихого океана нет ни одного предприятия по изготовлению крупных электрических машин. Их везут из Ленинграда и Харькова. И вот теперь будет свой, сибирский центр энергетического машиностроения. Чем скорее это произойдет, тем скорее окупится.

— Как вам работается? — спрашивали мы Михаила Саса, бригадира монтажников, родного брата Николая, сварщика Юрия Петровича Зубкова из Сорска, многих других рабочих, руководителей стройки. Нам отвечали:

— Фронта работы нет, ждем панели и металлоконструкции. Поток нарушается.

— Весной мы должны сдать первый корпус под монтаж оборудования. Закладка следующих заводов намечена на семьдесят восьмой год. Получится разрыв, а нам нужна непрерывка, непрерывка по-орловски!

— Про КамАЗ знает вся страна, а о нас мало кто знает. О нас пишите!

ПЛАТФОРМЫ... И ЛЬВЫ

«Продолжить строительство Абаканского вагоностроительного завода».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 годы».

Да, и львы тоже. На первый взгляд что общего между железнодорожными контейнеровозами и львами? Но обратимся к некоторым фактам.

Абаканский вагоностроительный завод начал свою жизнь с КВЦ — корпуса вспомогательных цехов. Таков естественный ход становления любого машиностроительного предприятия. В КВЦ выполняют заказы строителей, исподволь готовят оснастку и нестандартное оборудование для основных производств. Все это есть и на Абаканском вагоностроительном заводе — АВЗ. Но тут события развивались несколько иным образом.

31 декабря 1975 года (заметим: менее года назад!) строители сдали первые 15 тысяч квадратных метров производственных площадей — три из пяти пролетов КВЦ. А менее чем через два месяца — 20 февраля 1976 года — в подарок XXV съезду КПСС — на этих же самых площадях была выпущена первая платформа-контейнеровоз. Первая ласточка тяжелого машиностроения в Хакасии.

Почему же именно контейнеровоз, а не большегрузные вагоны и контейнеры, ради которых и строится этот завод? Ведь платформы в его номенклатуре изделий и не предусматривались. Потому что для изготовления вагонов и контейнеров нужны все производства, нужен весь завод, оснащенный самым прогрессивным, какое только есть, оборудованием. А оно начнет поступать только в будущем году. Платформы же можно делать с помощью тех станков и агрегатов, которые уже выпускаются. Конечно, потребовались дополнительные капиталовложения — 2,2 миллиона рублей. Но каждая платформа — с точностью до рубля подсчитали плановики — принесет 10 995 рублей чистой прибыли. Это же не простая платформа — большегрузный контейнеровоз совершенно новой, отечественной конструкции, таких у нас не строили. Как показала его эксплуатация на Октябрьской железной дороге, по своим данным он превосходит лучшие зарубежные образцы. Его уже могут изучать посетители ВДНХ в Москве — заслужил диплом. Контейнеры вскоре понадобятся для перевозок по межконтинентальной магистрали Гамбург — Москва — Владивосток — Токио.

Сейчас трудно сказать, кому первому пришла в голову мысль о контейнеровозах. Но идея эта была поддержана обкомом партии и облисполкомом. Директор завода Б. А. Егоров был настойчив и решителен. Творческий союз завода с проектировщиками и научно-исследовательскими институтами оказался чрезвычайно плодотворным.

В августе на АВЗе в торжественной обстановке была собрана сотая платформа. Расписанная на торце белым по черному хакасским национальным орнаментом, она стояла на выходе из корпуса, рабочие наводили последний лоск, а инспектор МПС проверял тормозные системы. Мы спросили, кто участвовал в ее изготовлении. Нам прежде всего показали худощавого, немолодого, но очень подвижного человека, Михаила Федоровича Чебунина, большого мастера сварочного дела. Сварка — главная операция в корпусе вспомогательных цехов, сварщик-сборщик — главная тут профессия. Ее в Хакасии раньше никогда не знали. Чебунин, приехавший из Красноярска, сам непосредственно для платформы ничего не сваривает, но все сварщики в цехе — его ученики. И сын чабана Валерий Ахпашев тоже стал первоклассным сварщиком-машиностроителем. Швы, которые он выполняет, измеряются уже километрами. А хакас Анатолий Абзин в прошлом году защитил инженерный диплом и работает технологом отдела сварки. Как сказал хакасский поэт Баинов:

> ...И мрак таежный
> И мрак степной упали ниц,
> Огнем напуганные грозным
> Электросварочных зарниц!

И вот теперь в отблеске этих самых зарниц к платформе подошел парень в комбинезоне и белой эмалью аккуратно вывел: «100»...

Завод намерен в этом году сделать еще двести платформ. На следующий год министерство планирует абаканцам уже 1140 таких контейнеровозов. Через несколько лет все затраты окупятся с лихвой.

Тут может возникнуть вопрос: не помешали ли платформы прямым функциям КВЦ? Отнюдь! Все задания и даже заказы некоторых других заводов выполняются. Более того. Не в стадии обсуждения, а корректировки проекта самого АВЗа решено записать ему платформы навечно, как бы в дополнение к вагонам, полувагонам, цистернам для БАМа, Южсиба и Транссибирской магистрали. Вот что такое экономическая стратегия и умение находить резервы: еще в процессе создания самого комплекса стало возможным получать прибыль!

Другой пример инициативы подобного рода. В кабинете заместителя председателя облисполкома по строительству Г. А. Вяткина мы увидели вымпел Аэрофлота. Поинтересовались, как он попал сюда, что означает. И вот что выяснилось: Абаканский аэропорт принимал раньше только легкие самолеты. Пять лет назад мы летели сюда с пересадкой в Красноярске, а на этот раз — прямым рейсом из Москвы на «ИЛ-18». В Абакане изыскали средства, своими силами построили взлетную полосу. Теперь здесь могут садиться самые тяжелые корабли с грузами для строек и пассажирские лайнеры. Однако реконструкция аэропорта продолжается.

Третий пример несколько иного свойства. По совету того же Геннадия Африкановича Вяткина из центра города мы перекинулись на другой конец его... к львам. По пути осмотрели строящееся здание драматического театра,— москвичи, художники-декораторы, работали над панно из смальты; городской крытый рынок, оформленный с большим вкусом чеканкой и мозаикой; новую школу с плавательным бассейном; взметнувшийся трилистник будущей гостиницы... Абакан, как и положено столице Хакасии и территориально-производственного комплекса, с каждым годом приобретает все более современный вид.

А львы в Абакане действительно есть. И не какие-нибудь, а заслуженные, подаренные самой Ириной Бугримовой, народной артисткой СССР. Стоит помахать перед носом Урала палкой, похожей на клюшку, как этот почтенный пенсионер обнаруживает темперамент не меньший, чем участник ледовой баталии. Живут тут и лев из цирковой группы Бориса Денисова, попугаи из заморских стран, пятнистые олени со своим потомством, что в неволе случается крайне редко. Словом, зоопарк. Зоопарк с просторнейшими вольерами, тенистыми аллеями,— здесь пятьдесят видов зверей и птиц. Абаканцы законно гордятся им: в Сибири второй после новосибирского!

К созданию Саянского комплекса он прямого отношения как будто не имеет. Но тут проявилась забота о человеке, его досуге, интересах. Наконец, о воспитании подрастающего поколения. И во всех этих примерах, как и во многих других, которые можно было бы вспомнить, совершенно отчетливо прослеживается тенденция рачительно расходовать государственные средства, изыскивать и использовать местные возможности. Это определяет стиль работы тех, кто участвует сегодня в превращении юга Красноярья в индустриальную державу.

В Абакане проходил пленум областного комитета партии Хакасии, посвященный вопросам капитального строительства. На нем шла речь и о стройиндустрии и о предприятиях группы «Б» — комбинате искусственных кож, который продолжает развиваться, Хакасском гидролизно-дрожжевом заводе, свиноводческом комплексе, оросительных системах... Работы на этих объектах ведутся еще не в должном темпе. Но если вообще говорить о группе «Б», то она здесь вырвалась вперед, оставив позади группу «А». Предприятия легкой и пищевой индустрии — камвольно-суконный комбинат, комбинат искусственных кож, перчаточная и обувные фабрики, трикотажный комбинат, Шушенский завод сухого молока, завод сыров, Абаканский мясокомбинат — работают не только на енисейские берега — на всю Восточную Сибирь. Гиганты! Отдача же тяжелой индустрии идет пока за счет Сорского молибденового комбината, рудников и карьеров. Экономика Хакасско-Минусинской котловины опиралась на добывающие отрасли тяжелой индустрии. Теперь ей предстоит подняться на ступень более высокую — не только брать сокровища, которые таятся здесь, но и обрабатывать их, выпускать законченные готовые изделия и товары — машины и агрегаты огромной сложности и безукоризненной точности. Главная задача времени — готовить к старту, как и намечено, пусковые комплексы десятой пятилетки, строить быстро, экономично и качественно. Этой задачей пронизаны помыслы и деяния людей.

Саяны разбужены!

Анатолий Абзин и Владимир Изосимов — молодые специалисты Абаканского вагоностроительного завода.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

СОЮЗ ОДЕ

МЕДИКИ И ФИЗИКИ

В Институт Склифосовского больную доставили в очень тяжелом состоянии: глубокий ожог пищевода, в результате которого наступило полное истощение организма. Требовалась немедленная операция. Оперировал профессор Николай Николаевич Каншин, руководитель Третьей хирургической клиники.

Операция чрезвычайно трудная, ткани глубоко повреждены, шить почти невозможно. Хирург решает соединить ткани пищевода без традиционных швов.

— Все прошло удачно. Для верности я наложил все-таки несколько шовчиков, знаете, береженого бог бережет, а в нашем деле особенно,— рассказывает после операции Николай Николаевич.

— Давно вы применяете этот метод? — спрашиваю я.

— Нет, недавно. Конечно, сначала мы его опробовали на животных, сделали немало таких операций на собачках. Потом стали оперировать и людей,— продолжает Каншин.— Разработали мы этот метод вместе с Анатолием Александровичем Кузнецовым, побывайте у него обязательно.

— Он тоже хирург?

— Нет, кажется, электронщик или физик. Сейчас ведь мы, медики, начали активно работать с представителями точных наук, и они тоже идут нам навстречу.

Так из хирургической клиники путь привел меня в научное учреждение, казалось бы, совсем далекое от медицины,— в прославленный Институт химической физики АН СССР, которым руководит лауреат Ленинской, Государственных и Нобелевской премий академик Н. Н. Семенов.

Не случайно именно в этом институте приняли молодых исследователей, что оставили свои профессии инженеров, конструкторов, физиков, химиков, хирургов и кинулись в новую, неисследованную область науки — медицинскую биофизику. «Грешные дети» точных наук мечтали работать в самой благородной области человеческого знания, а такие же «грешные» врачи понимали, что дальнейшее развитие медицины просто невозможно без союза с ними. Жизнь заставила их выйти на свидание друг к другу. Но, чтобы они могли общаться, нужен был общий язык, а он только рождался и рождался в муках, как все живое.

Я беседую с научным руководителем отдела медицинской биофизики, членом-корреспондентом АН СССР Л. А. Пирузяном.

Отдел медицинской биофизики самый молодой в институте. И надо отдать должное Льву Арамовичу Пирузяну: это только благодаря огромной увлеченности, энергии и, главное, глубокой научной интуиции молодому ученому удалось создать, по существу, новое направление в биофизике.

— Мне кажется, что перед наукой стоят сейчас две основные проблемы: охрана здоровья планеты и охрана здоровья человека,— говорит он.— Новое созданное нами направление позволяет изучать молекулярные основы процессов, идущих в здоровом и больном организме, в сравнении. Это очень важно. Такое сравнительное изучение подсказывает новые пути для понимания происходящих в организме процессов. Не надо объяснять, сколь необходимы новые формы регистрации этих процессов, когда болезнь еще не выражена, но человек уже стоит на ее пороге. Я не говорю о медицинских приборах, материалах для операций, новых методах лечения. И хотя мы в основном ведем фундаментальные исследования на молекулярном уровне, мы стремимся как можно скорее выходить в практическую медицину, выходить на человека.

Я слушаю Льва Арамовича и думаю о том, что теперь уже никто (на словах по крайней мере) не противится вторжению точных наук в биологию, в медицину. И кажется странным, что еще недавно шли дискуссии на этот счет, будто естествознание не едино, будто не самое главное предназначение науки служить человеку и изучать его. Однако и теперь трудностей, стоящих перед исследователями, работающими в области медицинской биофизики, немало.

МАГНИТНЫЕ «ЛЕКАРИ»

— Вас не смущает, что мы обосновались пока в подвале? Зато, как видите, у нас новейшие приборы. Тесновато, правда, но ведь это временно. Скоро перебираемся в новый корпус. Надеемся, что строители не подведут.

Этими оптимистическими фразами встретили

Член-корреспондент АН СССР Л. А. Пирузян.

меня Александр Хуторянский и три Виктора — Юртаев, Ломоносов и Глезер. В лабораторию они пришли прямо со стройки, были усталые, запыленные, но настроены весело.

— Все сотрудники работают на строительстве корпуса. Не терпится скорее въехать в новое помещение,— пояснили мне.

Виктор Ломоносов — инженер-физик, Виктор Юртаев три года назад закончил институт электронного машиностроения, Александр Хуторянский — биолог, а Виктор Глезер по профессии врач. Но сейчас их объединяет азарт коллективной работы над таинственной, еще не разгаданной проблемой, чрезвычайно волнующей и медиков, и физиков, и биологов.

Есть в мире сотни замечательных явлений, но нет у нас для их описания точных знаний и слов, мы не можем их объяснить. Одна из таких неразгаданных проблем—влияние на живой организм магнитного поля.

Во времена Аристотеля и Плиния естествоиспытатели и философы уже знали, что магниты способны облегчать страдания, снимать боль. В XVIII веке французская Академия наук дала заключение ученых об успокаивающем и лечебном действии магнитного поля на человека. Однако сам механизм воздействия еще не изучен, его нельзя объяснить с точки зрения современного состояния физики и химии. Вот это-то, с одной стороны, породило некое мистическое шарлатанство (у недобросовестных людей, конечно), а с другой — позволило некоторым физикам отрицать само явление. Они не учитывали, что в живом организме, где есть мощные усиливающие факторы, незначительная энергия магнитного поля вызывает заметные изменения. Эксперимент забежал вперед, теория стала в противоречие с опытом...

Виктора Глезера и Александра Хуторянского давно интересовало лечебное действие магнитного поля. Вместе с врачами Института Склифосовского они поставили первые опыты по лечению ожогов. Результаты оказались весьма положительными: снималась боль, выздоровление шло намного скорее, а когда необходима пересадка тканей, наблюдалась лучшая приживляемость.

Использование магнитного поля в медицине чрезвычайно разнообразно: от лечения склеротических сосудов ног до профилактики радиационных поражений. Совместно с Институтом курортологии и физиотерапии ведется работа по лечению болезней суставов.

Однако следует учитывать, что действие магнитов не панацея от всех болезней, оно далеко не безобидно и может принести не только пользу, но и вред. Исследователей интересует тонкий механизм влияния магнитного поля. Чтобы понять это, проводят многочисленные опыты на животных.

— С Виктором Ломоносовым мы получили интересные данные о влиянии магнитного поля на кровь, необходимые для понимания процессов, идущих в организме,— рассказывает Глезер. Он не говорит, почему это важно. То, что любая болезнь отражается прежде всего на анализе крови, ясно всем.

Узнала я и о совсем, казалось бы, фантастических действиях магнитов. Как заманчиво, например, применить магнитное поле в фармакологии. Создать особое «намагниченное» лекарство, а затем с помощью внешнего воздействия направить его в организме прямым путем к больному органу. Но... «Это — дело будущего, писать об этих исследованиях рано»,— строго предупреждают меня.

ОПЕРАЦИЯ НА КЛЕТКЕ

Старший научный сотрудник Всеволод Николаевич Сахаров раньше занимался исследованием ядерных излучений. Излучение интересовало его с физической точки зрения. Сейчас он работает над тем, как можно применить это излучение в биологии и медицине.

На ровной поверхности тонкого кварцевого стекла распласталась клетка, выделенная из почки человека. Она живет: стекло находится в сосуде с питательной средой. Исследователь готовится к операции. Скальпелем служит невидимый ультрафиолетовый микролуч. Вот через микроскоп на клетке выбрано место и момент операции. Аппарат включен. Доли секунды — и операция сделана.

Родоначальником метода микрохирургии был замечательный русский ученый Сергей Степанович Чахотин. Идея родилась у него в 1908 году, когда он лежал в больнице с тяжелыми переломами после Мессинского земле-

РЖИМЫХ

трясения. Он работал в те годы на Средиземноморской биостанции.

Сквозь тонкую штору в затемненную палату проникал узкий луч солнца, четко вырисовывались пылинки, кружащиеся в воздухе...

Поправившись, Чахотин создал микролучевую установку и три десятилетия был почти единственным ее обладателем. Он работал тогда в Берлине, а потом в Париже. В 41-м он был вывезен французскими патриотами из фашистского лагеря смерти...

Чахотин умер года три назад в Москве, в возрасте 90 лет. Незадолго до смерти ученого мне посчастливилось побывать в его квартире-лаборатории на Ленинском проспекте, услышать от него самого об его удивительной жизни и работе.

— Я тоже встречался с Чахотиным и не раз,— говорил Всеволод Николаевич Сахаров.— В шестидесятые годы в связи с бурным развитием молекулярной и клеточной биологии интерес к методу, созданному Чахотиным, возрос. Во многих лабораториях появились микролучевые установки.

— Сам по себе лучевой удар нанести теперь, как вы видели, несложно,— продолжает Всеволод Николаевич.— Значительно труднее правильно поставить задачу исследования. А задачи бывают разные. Например, интересно, какие части клетки наиболее чувствительны к излучению? Ведь в наш лазерный и атомный век над проблемой поражающего действия излучения работают многие врачи и биологи.

Операция, которую я только что видела, поражает своей точностью. Ее можно сравнить с тончайшей ювелирной работой. Достаточно сказать, что площадь оперированного участка в тысячи раз меньше поперечного сечения человеческого волоса, а объем — всего лишь миллиардная доля кубического миллиметра.

Теперь, когда операция сделана, начнутся многодневные, кропотливые исследования клетки. Ученые будут изучать ее поведение, взаимодействие с другими клетками, сложные биохимические процессы.

Исследованием на уровне клетки занимается и кандидат медицинских наук Всеволод Викторович Роговин. Его лаборатория изучает сейчас лейкоциты — ключевую клетку крови. Как биение пульса много расскажет врачу о состоянии больного, так и состояние лейкоцитов может говорить о многих заболеваниях.

— С помощью электронного микроскопа мы изучаем лейкоциты не только у человека, но и у животных, стараемся проследить за лейкоцитом в развитии, поймать эволюционную ниточку от низших животных до млекопитающих. Почему это интересно? Дело в том, что, скажем, у лейкоцитов человека какие-то стороны могут быть представлены слабо, а у лейкоцитов животных они выражены очевидней. И тогда, разобравшись в поведении этой частицы клетки на низших животных, будет яснее, как действует она в общей системе крови сельскохозяйственных животных и человека,— заканчивает Роговин.

ОПЯТЬ О ВНЕДРЕНИИ, ИЛИ СТО ТЫСЯЧ «ПОЧЕМУ!»

Что может быть для ученого, творца мучительнее того, когда его открытие, его прибор, разработанный им метод не выходит за стены научного института, не внедряется в практику?! А если речь идет о медицине, о здоровье человека, то о подобной ситуации нельзя говорить без особой боли.

Например, в отделе медицинской биофизики создали метод, возвращающий больным слух. В тонкий механизм человеческого уха (операция идет под микроскопом на площади в один квадратный миллиметр) помещают маленький магнитик. Пациент будет теперь «слышать» не звуковые волны, а магнитные. Их создает миниатюрная катушка, которую легко спрятать в карман.

Эту работу ведет кандидат физико-математических наук Анатолий Кузнецов (о котором мне говорили в институте Склифосовского) вместе с главным отоларингологом Москвы профессором В. Т. Пальчуном.

Несколько операций, выполненных хирургом-виртуозом Н. С. Дмитриевым, прошли блестяще. И врачи клиники, и сотрудники института, и (главное!) пациенты были счастливы. Но... применение этого метода приостановлено.

— Почему? — в недоумении спрашиваю я.

— Нет аппаратуры. Опытные образцы изготовили мы сами. Но мы ведь лаборатория академического института, к тому же маленькая, а не завод. Да кроме того, эту аппаратуру надо делать не кустарно, ведь она заменяет тонкий человеческий орган и должна быть чрезвычайно надежна. Писали мы письма во все инстанции. Наконец, в Министерстве радиопромышленности вроде бы согласились помочь нам. Мы поверили. Но, увы, радость оказалась преждевременной. Аппаратуры попрежнему нет, и врачи-отоларингологи с грустью отказывают больным.

— Не менее печальная участь в этом плане может ожидать и другие наши работы,— говорит научный руководитель отдела Лев Арамович Пирузян.— Приведу в пример хотя бы исследования лаборатории термодинамики биологических объектов. Сейчас разрабатывается принципиально новый метод молекулярной диагностики. При помощи микрокалориметров можно получить полный портрет процесса свертывания крови: одновременно иметь сведения и об образовании тромба и его рассасывании. Это важная для практики работа: ведь повышенная свертываемость крови, как известно, ведет к тромбофлебиту, к инфаркту. А существующие измерения по вязкости, биохимические тесты, по которым определяют протромбиновый индекс, грубы и трудоемки.

Однако нелегко найти учреждение, которое согласилось бы изготавливать приборы по нашим разработкам. Обычно это для предприятий нерентабельно. Да и серия маленькая — тоже невыгодно. Нельзя, чтобы в отношении ценности медицинского исследования торжествовала оценка рентабельности, нельзя подходить к ним лишь с экономической точки зрения,— горячо заканчивает Лев Арамович.— Во всем, что касается здоровья людей, подсчеты «выгодно — невыгодно» не только нелепы, но и преступны.

Изучение лечебного действия магнитного поля равно интересует биолога А. А. Хуторянского, инженера-физика В. А. Ломоносова и врача В. М. Глезера

В отделе медицинской биофизики идут многочисленные опыты на животных. Е. В. Логвиненко и Т. Г. Асмакова готовят очередной эксперимент.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

— Попрошу доктора Хоумза, — сказал отец.

С ним будет посложней, чем с Джо Хислопом, подумал я. Хотелось бы мне понять, почему в присутствии Хоумза мне всегда становится уныло и я чувствую себя загнанным в угол, навеки пригвожденным к месту, обреченным. Мне не терпелось увидеть его начищенные до блеска башмаки, и когда он сел на место свидетеля, а отец не спешил задавать ему вопросы, я так и думал, что вот сейчас, седоватый, величественный, он важно скажет: «Итак, мистер Куэйл?»

Немного выждав, он так и сказал, и ясно стало: он опять вознамерился обращать суд в свою веру. В конце концов кафедра всегда остается кафедрой, арена — ареной, а паствой может стать любая аудитория, которая хочет или вынуждена его слушать. А брошенный вызов есть вызов, и, похоже, Хоумз радостно предвкушал схватку с отцом.

— Итак, мистер Куэйл? — повторил он.

Отец — ноль внимания, по-прежнему листает свои заметки. Потом нахмурился, поднял голову и посмотрел — не на Хоумза, на Джули. И мы посмотрели туда же, а Джули весь напрягся, похоже, чтобы высидеть на этой скамье, ему требовалась вся его выдержка. И теперь, обратив общее внимание на Джули, отец задал свой первый вопрос, причем произнес его с подчеркнуто английской, а не австралийской интонацией, словно, разговаривая с Хоумзом, никак не желал ронять свое достоинство.

— Каких наук вы доктор, доктор Хоумз? — спросил он.

— Какова цель вашего вопроса, мистер Куэйл?

— Вы будете отвечать на мой вопрос, доктор Хоумз? — спросил отец, даже не потрудившись на него взглянуть.

— Раз вы так настаиваете. Я доктор богословия, — зычным голосом проповедника, с явственным американским выговором ответил Хоумз.

— В каком университете вы получили степень?

— Почему вас это интересует? Слово господа нашего...

— Отвечайте на вопрос, доктор Хоумз, — все так же ровно, бесстрастно, на английский лад сказал отец. — Я задал вам вопрос и жду ответа.

— В колледже Святого воскресенья в Энглзтауне, штат Миссури, где слово господа нашего...

— Значит, вы американский доктор богословия, — с презрением сказал отец. — Quem diligo castigo, доктор Хоумз. Вы согласны?

— С чем?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35 — 47.

— С тем, что я сейчас сказал.

— Я не понимаю папистский язык, эту их латынь. То голос сатаны. То язык идолопоклонников. Так что я могу ответить вам лишь словами Апостольского послания...

— Это очень известное выражение. «Тех, кого люблю, караю».

— Папистское выражение.

— Ничего подобного,— возразил отец.— Это церковное речение, которое обязан знать любой доктор богословия. В особенности вы, доктор Хоумз.

— Меня не запугать вашими папистскими суждениями.

— Вот как? Тогда рассмотрим ваши поступки и будем судить о них в этом суде, доктор Хоумз. Если я вас правильно понял, вы на протяжении двадцати лет постоянно бывали в доме семьи Кристо и взяли на себя нравственное воспитание Джули Кристо, когда он был еще совсем ребенком. Так?

— К чему эти вопросы, мистер Куэйл? Спрашивайте меня, сохранил ли он истинную веру в душе своей...

— Отвечайте на те вопросы, которые я вам задаю. Вы взяли на себя нравственное воспитание Джули Кристо, так?

— Так. Господь искупает...

— Я не желаю знать, что господь искупает...

— Господь...

Отец тяжело вздохнул, я слышал этот долгий, даже со свистом вздох сквозь стиснутые зубы: видно, сдерживается изо всех сил.

— Послушайте, доктор Хоумз. Я не хочу здесь, в суде, доставлять вам неприятности, но если вы по-прежнему будете прятаться за спину господа, я начну задавать вам такие вопросы, которые вам не понравятся.

— Господь направит меня, мистер Куэйл.

— Гожусь ли я, об этом судить только господу.

— В таком случае ответьте мне на простой вопрос, доктор Хоумз. Вы говорите, что относились к мальчику как отец.

— В духовном смысле. Это был мой долг.

— Как отец?

— Как поступал бы каждый с непокорным грешником.

— Понимаю...— Мой отец медленно кивнул. Потом поправил парик, снял очки, протер глаза и снова надел очки. И сказал, пожалуй, даже чересчур небрежно: — Но вы ему и в самом деле отец, доктор Хоумз? Вы это хотите сказать?

До нас не сразу дошло все значение этого вопроса — ничего подобного мы не ждали. Но уж когда дошло, мы ощутили за ним весь груз давних толков о неведомом отце Джули: сплетни, и намеки, и пересуды, и слухи о миссис Кристо, которыми город наслаждался двадцать лет кряду. Так восприняли этот вопрос все, кто был в зале, и, зная, с каким упорством отец умеет добиваться своей цели, так воспринял его и я. За спиной у меня вдруг послышались негромкие свистки, шарканье. Потом в глубине зала кто-то свистнул пронзительно, громко. И вот уже весь зал кричит и хохочет. Сам же Хоумз замер в привычной молитвенной позе — лицо обращено к потолку, глаза закрыты.

Судья призывал к порядку, а отец, перекрывая шум, громко сказал:

— Отвечайте на мой вопрос, доктор Хоумз. Отвечайте.

— Я был духовным отцом всякого, кто нуждался в помощи и утешении, включая и этого мальчика,— сказал Хоумз, когда шум утих.

— Это ваш ответ?

— Я ответил вам, мистер Куэйл.

ным вторжением моего отца в его жизнь, побледнел еще больше, напрягся, как струна, и ответил Хоумзу взглядом, таким враждебным и ненавидящим, что это увидели все, и я понял: отец именно этого и добивался.

— Вы сказали вчера, что миссис Кристо поссорилась со своим сыном, вы это говорили?

— Да, говорил.

— Вы сами слышали, как они ссорились?

— Нет...

— Тогда откуда же вы знаете, что они поссорились? От господа бога?

— Я узнал это по тому, в каком она была горе.

— Но она не говорила вам, что они поссорились? Говорила или нет? Отвечайте!

— Ей незачем было говорить. Я и так знал.

— А я утверждаю, что ничего подобного вы не знали. Вы сказали, ее пугало, что Джули становится неистовым.

— Это правда.

— Неистовым по отношению к кому? К матери? К самому себе? Или ее пугало неистовство Джули по отношению к вам, доктор Хоумз, и на то были свои причины? Так как же? Будете отвечать или предпочитаете, чтобы я спросил самого Джули Кристо?

— О чем бы вы его ни спросили, это неважно.

— Но ответы доказывают, что это важно, доктор Хоумз. Юноша оказался на скамье подсудимых по обвинению в убийстве, и ваши вчерашние показания о его неистовстве могли привести его на виселицу. А потому опять вас спрашиваю: не был ли он неистов именно по отношению к вам, оттого что за многие годы возненавидел вас и хотел, чтобы вы оставили в покое его мать? Разве не так? И не потому ли вы давали вчера такие показания, которые могут стоить ему жизни? Quem diligo castigo. Кого люблю, того караю...

ДЖУЛИ ОТРЕШЕННЫЙ

Отец помедлил, и мне по всему ясно было: к чему-то он клонит. Он по-прежнему подчеркнуто произносил слова на английский лад, и дома мы всегда знали — это грозный признак.

— Ну что ж, доктор Хоумз, раз вы настаиваете...— Минута-другая прошла в молчании: отец проглядывал свои заметки; потом он продолжал: — Итак, вы признаете, что взяли на себя право руководить воспитанием мальчика и быть главой семьи Кристо.

— Я был духовным главой этой семьи во имя господне, мистер Куэйл.

— Я уже говорил, что вас ожидает, если вы не перестанете ссылаться на господа...

— А я вам говорю, мистер Куэйл, что буду отвечать, как считаю нужным.

Тут я понял: отец намеренно вызывает Хоумза на такие ответы.

— Вы полагаете, что годитесь в наставники юноше, доктор Хоумз? — спросил он.

— Нет, не ответили, доктор Хоумз.

— А я вам говорю — ответил! — в ярости рявкнул Хоумз.

Теперь отец обрушился на Хоумза так, будто хлестал его словами, как бичом:

— Двадцать лет вы сотрясали стены этого дома своими речами, вмешивались в трудную жизнь несчастного мальчика, а подумали вы хоть раз, что, духовный вы ему отец или какой иной, ничего, кроме ненависти и презрения, вы ему не внушаете?

— Это злобная, преднамеренная ложь.

— Ложь, сэр? — крикнул отец.— Может быть, вы хотите, чтобы я спросил об этом самого мальчика и чтобы он ответил суду?

— Пусть его говорит, что хочет, но вас я слушать не желаю.

— Тогда взгляните на Джули Кристо, доктор Хоумз. Взгляните на него! — крикнул отец и короткой своей рукой взмахнул в сторону Джули.

Волей-неволей пришлось посмотреть на Джули, а тот, застигнутый врасплох внезап-

Страпп вскочил, кто-то у меня за спиной выдохнул: «Господи Иисусе...» — зал опять зашумел. Наконец, порядок был восстановлен, и все взгляды обратились к Хоумзу в ожидании ответа.

— Это злобное, чудовищное обвинение. Это неправда,— произнес он дрожащим голосом.

— Спросить мне об этом самого Джули, доктор Хоумз?

Со своей кафедры, со свидетельского места, Хоумз сделал последний, судорожный бросок.

— В этом юноше зло рождает зло,— прогремел он,— но я преследовал грех в этом доме. Невзирая на дьявольскую угрозу насилия, нависшую надо мной, и...

— Достаточно, доктор Хоумз,— сказал отец.— Вы свободны.

— Даже с этим греховным...

— Достаточно, доктор Хоумз,— повторил отец.— Вы свободны.

Доктор Хоумз был все-таки уже стар, и сейчас, когда мой отец обошелся с ним так безжалостно, сочувствие большинства оказалось на стороне евангелиста, а не на стороне адвоката; похоже, что отец совершил нелепую, непростительную ошибку. Должно быть, впервые доктор Хоумз вызвал в нашем городе что-то вроде общего сочувствия. «Так какая же это защита?» — в отчаянии спрашивал я себя.

Я уже и не надеялся понять, что хочет доказать отец. Он подорвал доверие к Хоумзу, но пробудил к нему сочувствие. Он побеседовал о музыке с Билли — и вовсе ничего этим не доказал. Он довел до слез несчастную мисс Майл, а чего ради? Вероятно, были тут некая логика и некий смысл, но все это никак не помогало опровергнуть выдвинутое против Джули обвинение.

И теперь мы ждали, чего защитник станет добиваться от оставшихся двух свидетелей: от Нормы Толмедж и от Бетт Морни.

Первой он вызвал Норму, и, к моему удивлению и облегчению, она вышла с таким видом, словно рада была вручить ему свою судьбу.

— Начнем, Норма... вы не возражаете, что я так вас называю?

— Называйте,— ответила Норма.— А вообще у нас в городе я теперь мало кому это позволяю.

— Спасибо, дружок,— поблагодарил мой отец нашу огненную Иезавель, да так мягко и ласково, совсем, совсем другим тоном, чем говорил с доктором Хоумзом.— Я перейду прямо к делу.

— Что ж, давайте, мистер Куэйл, да только здесь полно ханжей, так что, пожалуй, никто из них вас не поймет.

— Я хочу спросить вас об этих знаменитых танцульках, которые вызывают такое негодование в нашем высоконравственном, христианском, добропорядочном и разумном городе...

Норма чуть пригнулась, словно готовилась с радостью кинуться в драку.

— ...о джазе и выпивках,— продолжал отец.— Обо всем, во что, как полагают, погрузился Джули, отрекаясь от своей матери и своей веры. Вы ведь часто бывали на этих танцульках, не так ли?

— Да, и еще пойду и всегда буду ходить! — крикнула она и с вызовом огляделa зал суда.

— Я в этом не сомневаюсь, Норма. И там вы часто видели Джули, не так ли?

— Да.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы он пил спиртные напитки?

— Нет. А если бы и захотел, я бы ему не позволила. Но он и не хотел. Джули не такой.

— Он когда-нибудь сквернословил?

— Сквернословил?

— Да.

Накрашенные губы Нормы дрогнули, и она расхохоталась.

— Да он и слов-то таких не знает. А если покрыть его самого, он просто не поймет.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы он оскорбительно отзывался о своей матери?

— Никогда. Он вообще никогда о ней не говорил. Зато я говорила.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы он с насмешкой отозвался о своей евангелической вере?

— Вы не знаете Джули. Он никогда ни над чем не насмешничает, даже над этими чудаками-евангелистами. Он не то, что я, мистер Куэйл...

— Он танцевал?

Норма опять рассмеялась, но даже не стала отвечать на такой нелепый вопрос.

— Понятно! — сказал отец.— Стало быть, вы твердо знаете, что Джули не танцевал, не пил и не заигрывал с девушками?

— Нет. Ничего похожего.

— Но соблазны там были?

— Ну, ясно! Сколько угодно. Но если кто пытался подъехать к Джули с бутылкой или к нему подходила какая-нибудь девчонка, я в два счета с ними разделывалась.— Послышался смех, но Норма оглядела публику и бросила в зал: — Чего смеетесь? Такие вот скоты и привели его на скамью подсудимых...

Обычным шумным способом — криком, топаньем, стуком молотка, грозными предупреждениями — порядок был восстановлен. Отец молча ждал, просто ждал, потом продолжил допрос:

— Иными словами, вы оберегали Джули?

— Да, оберегала.

— От чего?

— От гнусной подозрительности этого города, мистер Куэйл,— запальчиво ответила Норма, уязвленная смехом слушателей.— От них! — Норма гневно ткнула пальцем в зал.

— Почему вы так говорите?

— Потому что в этом городе полно людей с вывихнутыми мозгами и они вечно ищут, о чем бы почесать грязным языком.

— Вы хотите сказать, что в городе всегда много сплетничали о Джули?

— В этом сволочном городе сколько лет только этим и занимались.

Еще прежде, чем Страпп или судья запротестовали против столь неподходящих выражений, отец очень мягко, даже с нежностью сказал Норме:

— Минутку, дружок. Мне понятны ваш гнев и возмущение, я тоже возмущен поведением некоторых людей в нашем городе, но если вы будете так выражаться, вы только скомпрометируете себя как дружественного свидетеля, а ведь вы этого не хотите. Так что просто отвечайте на вопросы и скажите, какие толки ходили про Джули.

— Вы уже сами это сказали. Болтали, будто он танцует, играет в джазе, пьет и, как выразился доктор Хоумз, развратничает. Будто возвращается домой пьяный и ссорится с матерью, бьет ее. Господи, да с чего они взяли?

— Он вступал с кем-нибудь в сексуальную связь? Что вам об этом известно?

Зал опять замер. Для того времени да еще для наших мест слова эти были слишком прямы и непривычны, и в этом зале они повисли, точно прозрачные маленькие бомбы, заряженные духовной взрывчаткой. А Норма запрокинула голову и расхохоталась, как девчонка.

— К этому алтарю Джули надо еще привести, мистер Куэйл. Сам он никогда к нему не подойдет.

— Джули когда-нибудь ласкал вас?

— Если бы!

— А вы его ласкали?

— Я его целовала всякий раз, как довозила до дому.

— А он что делал в ответ?

— Он не знал, что делать.

— Почему?

— Так ведь это Джули! Он не может так сразу. Он просто говорил «до свиданья» и входил в дом. Вот и все.

— А как, по-вашему, ему нравилось, когда вы его целовали?

— Да, нравилось.

— Как вы думаете, кто-нибудь был с ним в более интимных отношениях, чем вы?

— Никто. Разве что Бетт Морни. Но Бетт сама вроде него, так что вы уж ее саму спросите.

Все взоры обратились на Бетт, она же, как и следовало ожидать, покраснела. Мы засмеялись.

— Итак, вам известно, что Джули не пил, не танцевал, не сквернословил, не заигрывал с девушками и не развратничал?

— Конечно, известно. Да это всем известно! Все эти дурацкие сплетни распускали здешние ханжи, у которых в мыслях одна грязь. Вот они тут все, глазеют на Джули и на меня. Поглядите на них! Как им только не стыдно! Пошли отсюда! — крикнула она в зал.

— К порядку...

— Значит, по-вашему, и два последних обвинения против Джули, наиболее серьезных обвинения, что он ссорился с матерью, избивал ее, тоже ложь?

— Как они могут такое говорить? Они-то почем знают? Да я была бы рада, если б он с ней поссорился. Была бы рада, если б ударил ее. Мне наплевать, что там болтает этот Хоумз, будто Джули с ней ссорился... И очень жаль, что это неправда! Да если б я захотела, я б могла вам кой-что рассказать про этого Хоумза. Все знают, что...

Голоса Страппа и судьи одновременно перекрыли шум, поднявшийся в зале. Секретарь суда во все горло призывал к порядку, стучал молотком, и мало-помалу публика утихомирилась.

— Молодая особа...— сердито начал Лейкер.

— Лучше не трогайте меня, мистер Лейкер,— напустилась Норма на судью, который, как все знали, иногда бывал у Толмеджей.— Про вас всем известно, как вы незаконно играете на бегах, каждый вечер до одурения напиваетесь в клубе...

— Мистер Куэйл! Мистер Куэйл!

Отец подошел к Норме и положил руку ей на плечо.

Но Норму было уже не остановить.

— Не нравится, когда про вас болтают, а? — кричала она Лейкеру. Сержант Коллинз схватил ее, она вырывалась и кричала теперь уже на него: — А этот полицейский, только поглядите на него! Да вы сами каждую субботу напиваетесь у себя в кухне, а потом колотите жену и блюете в раковину...— Сержант тащил ее из зала мимо Страппа — теперь досталось и ему:— Сейчас я вам расскажу кой-что про вашу дочку, вам это, ох, как не понравится. Она всегда ходит без штанов...— Норма наконец вырвалась из рук Коллинза и, указывая на одного из присяжных, Тернера, известного бабника, крикнула: — А уж он...

Зал ревел от восторга, судья стучал карандашом по стене, Коллинз опять ухватил Норму и тащил к двери, отец пытался ее оберечь. Мой брат Том, верный своим особым рыцарским понятиям, опустился на четвереньки и подбирал всякую мелочь, что высыпалась из Норминой сумочки, которую она обронила, вырываясь из рук сержанта. Том шарил под одним из столов, пытаясь достать не то помаду, не то зажигалку, и тут его спину вдруг заметил судья Лейкер.

Судья бросил карандаш, дождался, когда зал наконец утихомирился, и зловеще произнес:

— Ну, хорошо, мистер Куэйл. Оч-чень хорошо! Вы свое дело сделали, хотя, разрази меня гром, никак не пойму, чего вы все-таки добиваетесь. Никак не пойму.

— Попрошу мисс Бетт Морни,— сказал отец; он не захотел вступать с Лейкером даже в обычный вежливый обмен колкостями, да и слишком тот разъярился, не стоило сейчас с ним спорить.

Бетт была последней свидетельницей отца, и я достаточно хорошо знал судопроизводство, чтобы понять: она — последняя его надежда. В любом британском суде уголовное дело создается и оспаривается уликами — за и против, и хотя отец сумел показать Джули в совсем ином свете, он пока не привел ни одной серьезной улики, ни единой, которая доказывала бы его невиновность. Никто из свидетелей защиты не представил тому никаких доказательств. По сути, пока отец добился только одного: что бы он сейчас ни говорил, что бы ни делал, все вызывало в слушателях ожесточенный протест. И если расположение присяжных к защитнику влияет на приговор, то отец уже проиграл дело. Даже судья Лейкер — и тот был втянут в сражение.

— Бетт,— сказал отец, когда она уже дала присягу и ее вспыхнувшее от волнения лицо вновь стало нежно-розовым. — Вероятно, вы самый близкий друг Джули Кристо. Вы с этим согласны?

— Да.

— Вы его любите?

Я даже не представлял, что отец может быть так безжалостен. Прилюдно задать такой вопрос нашей безукоризненной Бетт было жестоко, и она залилась краской и смущенно молчала.

— Так как же, Бетт?

— Да, люблю, — просто ответила она.

Я с надеждой посмотрел на Джули. Сейчас на него смотрели все. Никогда еще я не видел в нашем городе фигуры столь романтической, как Джули в ту минуту, когда в пыльном, обветшалом зале суда наша самая безупречная, самая красивая, достойная, порядочная, милая, умная и прочее де-

Е. Романова. Род. 1944. (Москва). ТРИНАДЦАТАЯ ВЕСНА. 1976.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

С. Пустовойт. Род. 1945. (Киев). ВЕЧЕР В ПОРТУ. 1976.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников «Молодость страны».

вушка объявила, что юноша, обвиненный в убийстве родной матери,— ее избранник. Похоже, впервые в жизни Джули был озадачен.

— Как вы думаете, Джули убил свою мать? — все так же бесстрастно спросил отец.

— Нет, я вовсе так не думаю. Этого не может быть.

Возможно, этим театральным эффектом отец и закончит? Когда такие слова произносит не кто-нибудь, а наша безупречная Бетт, они звучат весьма убедительно. Но он продолжал допрос, он словно с умыслом упускал эту возможность.

— Вы сами девушка умная и одаренная, Бетт, назвали бы вы и Джули умным и одаренным?

— Да, конечно.

— Но ведь внешне это как будто не очень проявляется? Почему же вы о нем так отзываетесь?

— У Джули редкий, выдающийся ум, но он глубоко запрятан, и до него нелегко добраться.

— Почему?

Наша Бетт умела на удивление ясно и четко выражать свои мысли, она посмотрела на Джули и заговорила с непоколебимой уверенностью в своем праве говорить именно так:

— Я думаю, мистер Куэйл, чтобы его могли оценить по достоинству, ему надо бы жить в каком-то ином окружении.

— В каком же?

— Не знаю,— печально ответила Бетт.— Но здесь все как будто сговорились против него. Вот это я знаю.

— Вы ехали в такую даль из колледжа в Мельбурне только для того, чтобы дать показания, да?

— Да.

— И это вы уговорили своего отца пригласить меня в качестве адвоката, так?

— Моего отца не пришлось особенно уговаривать, мистер Куэйл.

— В этом я не сомневаюсь, Бетт. Ну, что ж, у меня больше нет вопросов, вы свободны, дружок.

Мы не верили своим ушам, буря страстей утихла, все чего-то ждали, озадаченные, ошеломленные, в поистине нерушимой тишине. Потом стали пожимать плечами, переглядываться, поднимать брови, пересмеиваться, прыскать.

— Это все, мистер Куэйл? — с недоумением спросил судья Лейкер.

— Да, ваша милость.

— И это все доказательства защиты? — с недоумением переспросил Лейкер.

— Да, это доказательства защиты, ваша милость.

Какая же это защита? Что он доказал? Доказательств никаких не было, это бросалось в глаза, и судья Лейкер еще какое-то время перелистывал бумаги, осваиваясь с мыслью, что отец и вправду закончил допрос свидетелей защиты.

— Я полагаю, мы сейчас передохнем,— обратился к нему отец.— Так что, если не возражаете, я выступлю с речью после перерыва.

— Хорошо,— сказал Лейкер, все еще недоверчиво покачивая головой.— Объявим перерыв.

Я посмотрел на Страппа. Похоже, он не знает, то ли беспечно ликовать, то ли остерегаться и ждать подвоха. Отец никогда еще не оставлял дело в такой неопределенности. Но я знал: истинный законник, Страпп спрашивает себя: «Что же тот сможет без доказательств?» А с доказательствами уже покончено.

Итак, судья Лейкер объявил перерыв, и мы вышли из зала, теряясь в догадках, что же, опираясь на показания своих свидетелей, может отец сказать присяжным, как убедит их, что Джули не убивал свою мать, или хотя бы даст суду основания уберечь его от рук палача, который, как стало известно, уже прибыл из Бендиго и, по всей вероятности, остановился у своих родных на берегу реки.

Перевела с английского Р. ОБЛОНСКАЯ.

Окончание следует.

Сало ФЛОР,

международный гроссмейстер

Крайне остро, напряженно протекала спортивная борьба летом в двух межзональных турнирах — в Маниле и Биле. В Маниле тройка Э. Мекинг (Бразилия), Л. Полугаевский (СССР) и В. Горт (ЧССР) завоевала право участия в турнире претендентов. Такое же право завоевал Б. Ларсен (Дания), победитель турнира в Биле. Для разделивших 2—4-е места Т. Петросяна, М. Таля и венгерского гроссмейстера Л. Портиша пришлось назначить добавочное время — матч-турнир по четыре партии. Один из них — лишний! Не парадокс ли? Каждый в этой великолепной тройке около двух десятилетий неоднократно произносит свое весное слово в розыгрыше первенства мира, и теперь один из них лишний. Да, таков суровый закон отборочной системы.

Когда в первом круге Т. Петросян нанес поражение венгерскому гроссмейстеру, то казалось, что наши экс-чемпионы мира сумеют решить «проблему Портиша», избрав тактику ничьих.

Но что касается Таля, то он в свои 40 лет так и не овладел ничейной тактикой. У рижского гроссмейстера такой характер, что он, сидя за доской, думает не о стоящей перед ним чисто спортивной задаче, а просто играет в шахматы — по принципу «Будь что будет!».

И вот вместо того, чтобы во второй встрече заставить Портиша искать обострения, Таль сам пошел на обострение, избрав острейший вариант, и проиграл партию с треском. Спортивный характер борьбы резко изменился: теперь не только Петросян, но даже Портиш не возражал против ничейного исхода всех партий. Петросяну и Портишу удалось выиграть по одной партии (как мало иногда нужно для полного счастья!), Таль одну партию проиграл и семь свел вничью.

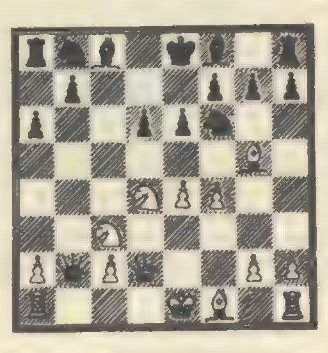
Никто не собирается умалять успех Л. Портиша, но в большой степени Таль сам себя выбил из конкурса. Приводим партию, которая решила судьбу второй путевки на турнир претендентов.

ЗАГАДКА ПЕШКИ b2

Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 a7—a6 6. Cc1—g5 e7—e6 7. f2—f4 Фd8—b6 8. Фd1—d2 Фb6:b2.

Л. Портиш

М. Таль

Практический и теоретический спор вокруг жертвы пешки на b2 продолжается уже несколько лет. То теоретики считают, что пешку брать можно, то, наоборот, нельзя. Р. Фишер эту пешку принципиально берет. Последний раз американский гроссмейстер взял на b2 два раза в матче с Б. Спасским в 1972 году и одну партию почти выиграл (ничья), а вторую проиграл. Поэтому последнее слово моды с 1972 года гласило: пешка на b2 отравлена — руки прочь! И вот этот острый вариант после долгого перерыва встречается вновь, и Портиш «отравленную» пешку берет.

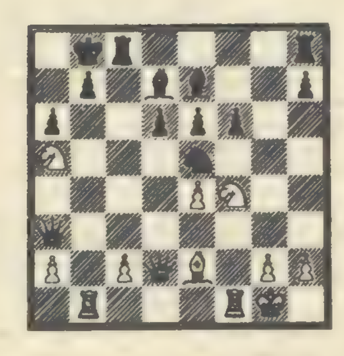
А зачем, спрашивается, Талю понадобилось пойти на столь острый «танец с саблями»? Любопытство? Если это так, то любопытство Таля обошлось ему дорого.

9. Kd4—b3 Фb2—a3 10. Cg5:f6 g7:f6 11. Cf1—e2 Kb8—c6.

(Фишер в вышеупомянутой партии со Спасским сыграл 11... h5. Ход 11... Kc6 известен уже в 1972 году, но Фишер безуспешно хотел его заменить путем 11...h5, полагая, что 11... Kc6 не годится. Если Портиш решил применить этот острый вариант с таким мастером атаки, как Таль, то венгерский гроссмейстер, бесспорно, серьезно изучал данную систему. Об этом свидетельствует факт, что Портиш на первые 15 ходов затратил всего 7 минут.)

12. 0—0 Cc8—d7 13. f4—f5 Kc6—e5 14. f5:e6 f7:e6 15. Ce2—h5+ Kpe8—d8 16. Лa1—b1 Лa8—c8 17. Kc3—e2 Cf8—e7 18. Ke2—f4 Kpd8—c7 19. Ch5—e2 Kpc7—b8 20. Kb3—a5?..

Л. Портиш

М. Таль

Можно ли на основании поражения Таля в этой партии делать вывод, что Портиш нашел опровержение жертвы пешки на b2? Нет, этого утверждать никак нельзя. Ходом в тексте экс-чемпион мира допускает серьезную ошибку, которая во многом облегчила венгерскому гроссмейстеру далеко не простую задачу. После правильного 20. Kd4! создалась бы интересная позиция с обоюдными шансами. Таль даже полагает, что инициатива скорее всего оказалась бы у белых. Теперь же парадом начинает командовать Портиш, который успел благополучно провести искусственную рокировку.

20... b7—b5 21. Ka5—b3...

На намеченное 21. c4 следует 21... Cd8 — вот что поздно заметил Таль.) 21...Ce7—d8 22. Kpf1—h1 Cd8—b6 23. Kf4—h5 Лc8—c7 24. Kh5:f6 Cd7—c8 25. Kf6—g4 Ke5—c4 26. Ce2:c4 Лc7:c4 27. Kg4—f6?..

(Последняя ошибка! Только путем 27. Ke3 можно было еще создавать тактические осложнения. Теперь белые проигрывают без борьбы.)

27 ...Фa3—b4 28. Фd2—d1 Фb4—c3 29. Лb1—c1 h7—h5 30. Лf1—f3 Фc3—e5 31. Фd1—d2 Kpb8—a8 32. Лc1—d1 Cb6—c7 33. Kb3—a5 d6—d5 34. g2—g3 Cc7:a5 35. Фd2:a5 Лc4:c2 36. Фa5—b6 Фe5—b2.

(Когда Таля спросили, почему он не сдался тут же, экс-чемпион мира объяснил: «Некогда было — цейтнот мешал!» Хорошо, когда человек и в случае неудачи остается спокойным и не теряет чувство юмора.)

37. Фb6—g1 d5:e4 38. Kf6:e4 Cc8—b7 39. Лf3—e3 Лh8—f8 40. a2—a4 Фb2—e5. Белые сдались.

Вот что натворила одна-единственная пешка!

Читатель «Огонька» может задать резонный вопрос: как все же обстоит дело с пешкой на b2? Можно ее брать или нет? Категорического ответа, пожалуй, не существует. Она как будто не совсем отравлена, но и не очень вкусна.

ЗАВЕТНОЕ — ЛЮДЯМ...

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

Люблю обстановку спектакля!.. Уходишь в совсем другой мир, всеми корнями, всеми чувствами своими в другое время, в другую среду. В образ... Зал темен. И как бы забываешь о нем. Хотя постоянно ощущаешь его дыхание. И что-то начинается в тебе, совершенно необъяснимое...

Солистка Большого театра Тамара Андреевна Милашкина, народная артистка СССР, гладко причесанная, домашняя, простая, сидит, на мгновение задумавшись. Но и в будничном ее обличье не утрачивается то, что называют артистизмом и что трудно бывает определить.

Ощущаешь инстинктивно: да, это талант, личность. Но попробуй распознать х а р а к т е р таланта, складывающийся в процессе всей жизни человека и, конечно, его творческого опыта.

Ведущая исполнительница партий лирико-драматического сопрано в репертуаре Большого театра СССР Тамара Милашкина — Ярославна в «Князе Игоре», Мария в «Мазепе», Вера Шелога и Ольга в «Псковитянке», Татьяна в «Евгении Онегине», Феврония в «Сказании о граде Китеже», Иоланта, Тоска, Аида; Леонора в «Трубадуре», Елизавета в «Доне Карлосе»... Милашкина поет в возобновленной постановке «Садко», а в ближайшем будущем она Дездемона...

Сопрано — этим тембром композиторы всех времен наделяют, как правило, самые светлые, благородные женские образы. В оперном действии сопрано становится ядром, вокруг которого сцеплены сюжетные линии. Героини-сопрано нередко гибнут в «водовороте страстей» спектакля и остаются в сознании людей хрупкими, нежными, любящими до самоотречения. И в этом непобедимыми.

Тамара Милашкина еще училась в Московской консерватории, когда ее пригласили в Большой театр. Первой ее партией была Татьяна. И, думается, исполняя Татьяну, Лизу, Ярославну, певица привносила в эти роли свои характерные черты. Но что-то от этих образов проникало уже и в собственную ее человеческую индивидуальность, влияло на характер. А вот теперь она и предстает перед нами в таком сплаве, сегодняшняя Тамара Милашкина.

Она говорит:

— На сцене человек должен быть предельно искренним, откровенным и ч и с т ы м.

Другая певица, артистка наверняка назвала бы какой-нибудь иной, необходимый, по ее мнению, компонент своего творческого состояния в спектакле, но Милашкина говорит о чистоте. Говорит с такой убежденностью, что понимаешь: эта мысль, это убеждение вмещают многое, будучи, по-видимому, для нее одним из важнейших человеческих качеств.

— Я очень люблю Иоланту Чайковского,— продолжает артистка.— Мне этот образ человечески очень интересен. И когда удается хорошо спеть Иоланту, чувствую особое удовлетворение. Отдавая все свое, заветное тем людям, что пришли на спектакль, я в ответ получаю еще больше. Ведь известно, что эмоциональный заряд, который посылает в зал артист, всегда к нему возвращается... Вообще к человеку все возвращается — и добро и зло, сделанные им, это я точно знаю! А искусство ведь именно и служит добру, облагораживая, воспитывая, совершенствуя людей...

Конечно, не в разговоре познается личность. Но бывает, что и несколько фраз артиста дают возможность сперва приблизиться к нему, а потом заставляют узнать о нем больше...

...Тамара Милашкина родилась в Астрахани. Ни отец ее, ни мать отношения к искусству не имели, хотя семья была музыкальная: мать играла на мандолине и пела, а сестра и братья даже организовали домашний ансамбль.

— Я вот иногда думаю,— говорит Милашкина,— много у нас в роду было людей музыкально одаренных! Но лишь я одна — подумать только — стала артисткой...

Кончила семилетку в Астрахани. Пошла в библиотечный техникум, но уже тогда очень любила петь, участвовала в хоре. Однажды гармонист наш сказал: «Товарищи, у нас, оказывается, есть солистка». Мне было тогда шестнадцать лет. И с этого момента все мои мысли сосредоточились на пении. Поступила работать в заводскую библиотеку, но все уже знали, что я мечтаю петь и петь. И хотя я еще не отработала положенных после техникума трех лет, меня отпустили в музыкальное училище, а там вокального отделения не было. И вдруг пришло разрешение открыть в Астраханском музыкальном училище отделение вокала! А потом приехала к нам в Астрахань Мария Петровна Максакова, послушала меня и сказала: «Этой девочке в Москву надо ехать...»

Жилось нам тогда трудно. Мама дала старенький чемоданчик и двадцать пять рублей. В Москве у нас были знакомые — астраханцы Крыловы: муж, жена и ребенок, в крохотной комнатке. Но меня приютили, нашли место...

Тамара Андреевна вдруг оборачивается, замолкает. Проследив за ее взглядом, вижу фотографию на стене в узорчатой рамке: немолодая уже женщина глядит, улыбаясь, куда-то вдаль. И поразителен этот взгляд — пылкий, по-юношески доверчивый, восторженный и добрый.

— Елена Климентьевна Катульская,— говорит Милашкина.— Считаю счастливейшей в моей жизни эту встречу с большой певицей, крупнейшим педагогом, одной из выдающихся актрис! Счастье, что я попала к ней в класс,— по решению А. В. Свешникова, который знал о любви Катульской к «сырому материалу», к тому, чтобы воспитывать певца с самых азов и все в нем выстроить от начала: голос, вкус,

Статья М. Малярова, опубликованная в № 4 «Огонька» за этот год, вызвала очень много разноречивых откликов читателей. Одни — Л. А. Александрова из Липецка, С. С. Ишутин из села Козловка, Воронежской области, Л. И. Куликова из Омска, Е. И. Кроткова из Москвы, А. П. Фомичева из поселка Заветы Ильича, Московской области, В. А. Огородов из Хорезмской области и другие — считают, как и автор, что Григорьев и Логинов заслуживают всяческого осуждения с нравственной точки зрения. Но в уголовном преступлении их обвинять нельзя — для этого просто нет мотивов.

А Т. Л. Вологдина из Читинской области, В. И. Белоусов из города Салавата, москвич М. Ф. Леонтьев, В. Сергеев из Иванова, И. В. Яковлев из Калининской области, В. А. Нурзада из Гагры, Е. И. Никульшина из Днепропетровска и многие другие уверены, что и Григорьев и Логинов виновны в смерти Тамары и потому заслуживают самого сурового наказания.

Мы познакомили с этими письмами автора статьи М. Малярова и сегодня печатаем его ответ читателям, приславшим отклики на статью «Кто виноват!».

КТО ЖЕ ВСЕ-

В четвертом номере «Огонька» была опубликована моя статья «Кто виноват?», в которой рассказана история девушки Тамары, покончившей жизнь самоубийством.

Напомню в двух словах суть дела. Тамара, познакомившись со студентом Сергеем Логиновым, в очень короткое время вступила с ним в близкие отношения, в чем потом горько раскаивалась и даже грозила покончить самоубийством, если он на ней не женится. Никому и никаких заявлений о том, что Сергей ее изнасиловал, она не делала и, следовательно, никаких оснований у авторов писем в «Огонек» говорить о том, что Сергея надо было привлечь к ответственности за изнасилование, нет.

Напомню читателям, что дела об изнасиловании возбуждаются по заявлению потерпевшей.

волю... И если теперь я могу назвать себя певицей, то целиком обязана этим Елене Климентьевне: она мне самое главное дала, и не только в профессиональном смысле...

С прошлого года нас: Ирину Архипову, Елену Образцову, Владимира Атлантова и меня — пригласили в Московскую консерваторию преподавать. И, знаете, я увлеклась, хотя никогда не думала, что смогу облечь в словесную, доступную форму те самые основы своей работы, которые для меня стали уже почти рефлекторными. Состояние в процессе пения чрезвычайно трудно объяснять: куда послать и как организовать звук, как брать дыхание, что такое «внутренняя улыбка», «округлый звук» и «собранный звук»...

Да, очень трудно, оказывается, объяснять то, что самому ясно, а еще труднее постоянно доказывать свою правоту, завоевывать доверие. Но если ученики тебе не доверяют беззаветно, то нет смысла учить: ничего не получится... И теперь я особенно часто вспоминаю Елену Климентьевну; вспоминаю, как смотрела на нее первые месяцы, придя в класс: ведь насупленно, недоверчиво смотрела! Много сил ей пришлось затратить, чтобы убедить меня, правоту свою доказать! Зато все годы потом я ей верила абсолютно...

Известность к Тамаре Милашкиной пришла в 1957 году, когда она стала победительницей на конкурсе вокалистов во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Ею заинтересовались в Большом театре, поручив партию Наташи в «Войне и мире» Прокофьева.

Работа над оперой заняла немало времени, и до премьеры Милашкина успела спеть Татьяну в «Онегине» и Катарину в «Укрощении строптивой».

В 1960 году впервые был организован обмен группами артистов-стажеров между Большим театром СССР и миланским Ла Скала, и Милашкина поехала в Италию, где ей предложили участвовать в спектакле «Битва при Леньяно» Верди. Миланские газеты писали: «Впервые после Шаляпина! Первая советская певица на сцене Скала!»

— В Италии говорили, что и в будущем я должна петь именно Верди, что голос у меня такого, мол, направления. Ну, а дома меня считают настоящей русской певицей, и я горжусь этим. Мне часто приходится петь за рубежом или вместе с певцами из других стран: это очень интересное и полезное взаимодействие разных музыкальных школ, разных артистических индивидуальностей в одном спектакле. Но я считаю, что лучше нашего Большого ничего нет! Чтобы в одном театре собралось столько замечательных солистов! Такой ансамбль!.. Нет, нигде в мире нет такого. Я чувствую особое вдохновение, когда рядом со мной поет настоящий певец или певица: мне кажется, что я и сама начинаю петь чуть лучше, чем могу...

...Да, мы, слушатели, знаем, что талант артиста, певца властвует над нами, завоевывает нас. Но если вдруг по какой-то детали, незаметному штриху угадываем, что этот солист только сам себе и важен на всей сцене, а партнеров своих почти не замечает, то магия театра рушится. Эгоизм убивает искусство. Он чужд подлинному искусству, традициям Большого театра, воспитавшего многих прекрасных певцов, и среди них Тамару Милашкину.

ВДОХНОВЕНИЕ

Читатель бывает разный. Один читает внимательно, подробно, чуть ли не с карандашом в руке, с начала книги и до последней страницы. Другой — а таких, кстати, сейчас немало — перелистает ту же книгу, спеша проследить развитие сюжета, останавливаясь ненадолго лишь на «интересных» для него местах.

Но вот, предположим, эти два читателя попадают на концерт народного артиста РСФСР Г. В. Сорокина. И мастер художественного слова начнет читать это же самое, уже знакомое им обоим произведение. И я уверена: оба будут поражены. Первый — тем, что перед ним раскроются совершенно новые, глубинные, будто невидимые простому читательскому глазу пласты мышления писателя, — его затаенные боль и скорбь, радость и смех. Второй же, «нерадивый» читатель, поразится, как он мог столь опрометчиво и беззаботно перелистывать те страницы, которые как раз и стали самыми важными для него в этой замечательной книге.

Я не преувеличиваю: любой читатель — по воле Сорокина — становится превосходным слушателем. Исполняет ли артист Достоевского или Булгакова, Гамзатова или Васильева, Соболева или Грибачева, с концерта уходишь с ощущением открытия; дома заново перечитываешь услышанное и вновь удивляешься: как же ты сам-то раньше этого не заметил, как же прошел мимо... Не в этом ли главная награда, высшая оценка деятельности замечательного исполнителя, около тридцати лет отдавшего сложнейшему искусству чтеца.

Георгий Васильевич не любит подробно говорить о себе. Годы учения в театральном училище имени Щепкина, как и пятнадцать лет работы в ЦТСА, были для него как бы подготовкой к делу жизни, к призванию — к тому моменту, когда он смог пригласить зрителя в свой театр — Театр одного актера.

На сцене он сдержан, прост, скромен и откровенен со зрителем. Ни лишних жестов и движений, ни излишнего «накала страстей». Вернее, накал есть, но он зреет и растет в нас самих — людях, захваченных происходящим на сцене. Созданный мастером образ видим, осязаем... Он борется, живет, дышит, говорит с нами. Как, например, в большой программе «Сергей Есенин», когда за каждой поэтической строчкой, за бесплотным, кажется, сочетанием слов и звуков встает реальный, дерзкий и противоречивый, лиричный и обаятельный образ русского поэта...

«Чтец... Мне не нравится это слово... Я считаю его устаревшим...» — говорит Георгий Васильевич. И справедливо, так как о самом Сорокине с полным на то основанием следует говорить — Артист.

Н. АЛЕКСЕЕВА

СЛОЖНОСТЬ ПРОСТОТЫ

Кубок «Огонька» лучшему вратарю 1976 года будет вручен стражу ворот команды ЦСКА и сборной Владимиру Астаповскому. Это семнадцатый лауреат нашего журнала. До него Кубок трижды получали Л. Яшин и Е. Рудаков и дважды — В. Банников, А. Кавазашвили и А. Прохоров, а также В. Маслаченко, С. Котрикадзе, Ю. Пшеничников и В. Пильгуй.

Приз «Огонька» — один из многих, установленных редакциями газет и журналов для футболистов и команд. Все призы почетны, и все призы завоевать нелегко, но огоньковская награда особенно труднодостижима. Хоть футбол и переживает сейчас не лучшие времена, но по-прежнему жива наша вратарская школа, по-прежнему у нас много голкиперов хороших и разных. Выделиться на таком фоне — дело нешуточное.

Владимиру Астаповскому это удалось. Рослый, хорошо сложенный, сильный физически, Астаповский обладает быстрой реакцией и великолепной прыгучестью. Эти качества есть у многих, но далеко не все владеют еще и тактическим даром, без которого нельзя овладеть высотами вратарского мастерства.

Я по собственному опыту знаю, что хоть сверхъестественные прыжки всегда вызывают восторг трибун, стопроцентная надежность вратаря от этого может и пострадать — ведь неизбежно возрастает степень риска. Только тот вратарь, который умеет «читать игру», предвидеть развитие атак, который руководит партнерами и выбирает верную позицию, ценится в современном футболе.

Всеми этими достоинствами и обладает Владимир Астаповский. Его игра приобрела черты законченности, особенно в последние два года, а в нынешнем сезоне он хорошо справился со своими обязанностями не только в армейской команде, но и в сборной.

Лев ЯШИН,
заслуженный мастер спорта

ТАКИ ВИНОВАТ?

Читатель В. Сергеев в своем письме в редакцию пишет: «Ну, хорошо, не подходит статья 107 УК РСФСР (доведение до самоубийства), так почему не применить к С. Логинову статью об изнасиловании?»

Такое же мнение высказала читательница Л. Ломакина.

Нельзя к С. Логинову применить статью об изнасиловании, уважаемые товарищи В. Сергеев и Л. Ломакина, потому что в этом преступлении, за которое по закону может быть назначено наказание до 15 лет, а при отягчающих обстоятельствах даже высшая мера наказания, его никто не обвинял.

Итак, никаких законных оснований для обвинения С. Логинова в изнасиловании Тамары не было.

Подав заявление о регистрации брака с Тамарой, С. Логинов впоследствии от своего намерения отказался. Есть ли в его действиях преступление? Конечно, нет, о чем подробно я писал в своей статье.

Через некоторое время Тамара встречается с Андреем Григорьевым, который, узнав о том, что она была близка с Сергеем Логиновым, также отказывается зарегистрировать с ней брак. Конечно, он поступил легкомысленно, поспешно подав заявление о регистрации брака с Тамарой, но в этом также повинна и Тамара. Наконец, нигде и никем не сказано, что для подачи заявления о регистрации брака надо выдерживать какой-то срок знакомства, как и не сказано о том, что после подачи заявления брак обязательно должен быть зарегистрирован. Совершенно прав читатель М. Леонтьев, который пишет, что и к подаче заявления о регистрации брака надо подходить серьезно.

Некоторые читатели, например, Т. Вологдина, осуждая поведение Тамары, считают, что С. Логинов и А. Григорьев, отказавшись жениться на Тамаре, довели ее до самоубийства и за это должны отвечать по закону.

Мне кажется, что в статье «Кто виноват?» подробно сказано, почему нет оснований для привлечения этих лиц к уголовной ответственности, и повторять эти аргументы не следует. Скажу кратко. Считать, что они довели Тамару до самоубийства, законных оснований не было.

Опубликовав статью «Кто виноват?», автор имел намерение обратить внимание молодых людей, как девушек, так и юношей, на необходимость более строгого соблюдения принципов морали и нравственности, нарушение которых подчас влечет серьезные последствия.

М. МАЛЯРОВ

ВОВКА С НАШЕГО ДВОРА

Галина ДРОБОТ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Вовка был грозой нашего двора. Когда пропадали пустые бутылки на винном складе, разбивалось рогаткой какое-нибудь оконное стекло, срезался электрический звонок или появлялись на лестничных потолках черные копотные пятна от ловко запущенных горящих спичек, все, не задумываясь, говорили: это Вовка.

Одногодки и мальчишки чуть постарше боялись Вовку, а малыши любили: малышей он защищал, набивал их обидчикам шелобаны, не разбираясь, кто прав, кто виноват.

Мне до Вовки не было никакого дела. Наши пути не перекрещивались, разделенные дистанцией возраста, а так как своих детей у меня не было, то и волноваться было не за кого. Собственно, я даже не знала, кто из дворовых ребят этот грозный Вовка.

Но однажды весенним днем я увидела на крыше двухэтажного дома, что прямо против моих окон, беловолосого, голенастого подростка. Он стоял, широко расставив ноги в синих изодранных кедах, в красной рубашке навыпуск с расстегнутым воротом, запрокинув голову. Рот его с поломанным передним зубом был открыт. Мальчишка свистел и крутил над головой длинную палку с намотанной на конец ее, видимо, некогда белой, а теперь грязной тряпкой. Над ним кругами летали голуби, не снижаясь и не поднимаясь, по заданной орбите.

— Вовка?— позвала я его из окна, как-то сразу догадавшись, что это он.

Мальчишка, чуть повернув ко мне голову, не переставая при этом крутить палку, длинно сплюнул через щербатый зуб и крикнул ломающимся голосом:

— Чего?

Мне ничего от него не было надо, просто уж очень картинно он выглядел.

А он засмеялся добро, перестал крутить палку, присел на корточки, качнулся к моему окну и сказал, как ровне:

— Тетка, пшено у тебя есть?

— Для них?— показала я на голубей.

— Для них!— согласился он.

— Заходи!— пригласила я и пошла открывать входную дверь.

Когда взлохмаченная Вовкина фигура появилась на пороге нашего длинного коммунального коридора, все двери сразу захлопнулись и лишь в щелочки, я чувствовала, следят за мной.

Он шел опасливо, крадучись, словно не ступал, а плыл по паркету, и озирался.

— Садись,— все так же решительно, чего-то и сама вдруг испугавшись и стараясь прогнать этот непонятный страх, кинула я:— Сколько надо?

Он не сел. Посмотрел на меня снизу вверх настороженно и — была не была:

— Стакан!

Пшено просыпалось мимо кулька на пол, и Вовка следил за каждым упавшим зернышком. В глазах его обозначилась тоска.

— На!— наконец сказала я.

Он подобрался, видно, ожидая от меня подвоха. Но я ничего плохого не делала, и он быстро и ловко взял из моей ладони кулек и, ничего не сказав, повернулся и побежал по коридору. И как только захлопнулась за ним дверь, из всех комнат сразу появились соседи. Они смотрели на меня удивленно и осуждающе.

— Чтобы в последний раз,— сказал продавец пивного ларька, комната которого была рядом с моей.— Шантрапу не приваживать. Ясно?

Я разозлилась:

— Нет!

И начался шум, типичный шум коммунальной квартиры старого московского дома. Я разобрала только: хулиган... бандит... голубятник...

Были да остались еще и сейчас кое-где в центре Москвы такие дома, ожидающие своей очереди на слом. Четырехэтажный, со стенами, выложенными в шесть кирпичей, дом этот был когда-то, до революции, пушным складом охотнорядского купца, а потом его переоборудовали, и стал он жилым. Каждая квартира имела свою планировку, свою загадочную для слесарей домоуправления водную и отопительную систему. Дом находился в глубине серого, асфальтированного двора, и солнце ему заслонял другой дом, «барский» (здесь жил когда-то сам купец), отстоявший от него метрах в пяти, разлапистый, точно растекшийся по двору, с широкой мраморной лестницей и множеством бело-зеленой лепнины на стенах и потолках.

Окна моей комнаты как раз и выходили на этот дом, а вернее, на пристройку к нему — комнату с кухней и прихожей, в которой жили Лидия Владимировна Сысоева, оператор Центрального телеграфа, и ее сын Вовка.

— Высмотрел!.. Глаз-то вострой...— сказал между тем продавец пивного ларька.— Что пропадет, вам отвечать!

— Отвечу!— запальчиво сказала я, ощутив, как всегда при столкновении с этим человеком, томительное неудобство, и пошла в комнату, про себя повторяя: «Бывают же уроды!» Впрочем, правой я себя не чувствовала, я совсем не знала Вовку: мне просто не был симпатичен мой сосед. Невысокий, с яйцеобразным животиком, отчетливо выпиравшим из-под туго натянутой рубашки, на коротких ножках, с всегда вздернутой седеющей головой и снисходительной улыбкой на мясистых губах, он казался очень благополучным, устроенным. «Конечно,— думала я,— зажрался, иначе зачем хоронится соседей, запирает на ключ дверь своей комнаты, даже когда идет мыть руки в ванную. Ясно, боится, чтоб не увидели его богатства. Да и готовит у себя в комнате, чтоб никто не знал, что ест».

Так началось наше знакомство с Вовкой, и с тех пор все, что связано с ним, почему-то стало меня интересовать. Я старалась пораньше возвращаться домой, чтобы застать его и перекинуться двумя-тремя ничего не значащими словами. Чаще всего диалог был таков:

— Здравствуй!

— Здрасть!

— Как дела?

— Как сажа бела!

— А на самом деле?

— Порядок!

Но иногда его не было на привычном месте.

В такие вечера мне становилось неприютно и даже тоскливо, словно кто-то уехал от меня, кто-то оставил меня одну. Чтоб прогнать это чувство, я садилась у окна и дожидалась Вовкину мать. Появление ее во дворе означало: с Вовкой все благополучно. Иногда я замечала в окне справа моего соседа, который, судя по тому, как часто выглядывал во двор, тоже кого-то ждал.

Лидия Владимировна, Вовкина мать, выходила из своей пристройки, обычно когда темнело и спадала жара. Она становилась спиной к своей открытой двери и заводила беседу с соседкой с первого этажа. Говорили они долго, неторопливо, и голос Лидии Владимировны был похож на льющуюся из крана воду, таким он был чистым, однотонным и бесконечным. Лица ее в темноте я не могла разглядеть, но ладная, не полная фигура и светлые пышные волосы нравились мне. Нравилось и то, что о Вовке она всегда говорила с каким-то особым пониманием его мальчишьих забот и интересов.

«Незадача вышла,— говорила она.— Времени совсем в обрез, а нашла чуток да махнула на Птичий рынок. Чего там нет — все есть! Рыбы всякие, птицы, даже собак продают. А Вовке что надо? Вовке голубей надо,— не меняя интонации, без точек, запятых и других знаков препинания, говорила она.— Без них никак не обходится. Страсть. А голубь хороший и пять и десять рублей, где их взять?

Премия когда еще будет, в конце квартала, а на зарплату куда же? Купила так себе голубя. Так Вовка вида не подал, жалеет меня, а сам расстраивается, я-то знаю!» — тек и тек ее голос, чистый, прозрачный, неторопливый в своем течении. Меня он успокаивал. Я привыкла к нему, и когда Лидия Владимировна не выходила во двор, скучала. А она в последнее время все чаще стала работать в вечернюю смену, и Вовка оставался один. Иногда я заставала его сидящим на широком подоконнике нашего лестничного окна. При моем появлении он начинал независимо посвистывать и смотреть через окно во двор, точно там обязательно что-то интересное должно было происходить. На мое «Здравствуй!» он коротко бросал «Здрасть!» и продолжал свистеть, всем видом своим показывая, что ему не до меня.

Но как-то Вовка поздоровался первый и сказал:

— У тебя много книг. Дай стихи почитать...

— Стихи?— удивилась я.— Какие стихи? Чьи?

— Про войну,— сказал он.— Я про войну люблю. Переправа, переправа! — начал он тихим, заученным голосом: — Пушки бьют в кромешной мгле...

Тихо приоткрылась дверь в нашу квартиру, но никто не вышел, и я поняла: подслушивают — и сказала резко:

— Ночь уже. Ты почему, между прочим, не спишь, а толчешься тут у нас на лестнице, а?

Вовка удивленно посмотрел на меня, повернулся и медленно пошел вниз.

— Поговорили, называется!

Потом он долго не появлялся на нашей лестнице, когда же я выходила во двор, не глядел на меня и как-то особенно заполошно крутил свою палку, свистел и, казалось, весь был во власти того азартного чувства, которое вызывают голуби. Впрочем, хороших голубей у Вовки не было — одни полукровки. Если же в небе появлялась белая, сверкающая пятерка, принадлежащая продавцу пивного ларька, Вовка сникал, становился угловатым и вместе со своими голубями отправлялся на чердак, сидел у окна и исподлобья вороватo следил за белыми красавцами.

Зачем завел себе белых голубей мой сосед, не мальчишка, лет под пятьдесят уже, мне не было понятно. Но я заметила, что выпускал он их только тогда, когда Вовка бывал во дворе, и на лице продавца в такие минуты стояла самодовольная, победная улыбка. В другие дни его голуби томились и плакали в большой клетке, висевшей у него на окне.

Лето между тем катилось к середине. Во дворе стало почти безлюдно: все ребята в лагерях или на даче, стариков и старушек тоже вывезли, и остались только те, которым с утра на работу. Вовка скучал. И вот он снова появился на нашей лестнице.

— Что покажу!—сказал он.—Пошли ко мне.

Я заколебалась, с Лидией Владимировной мы не были знакомы.

— Пошли, пошли. Мать в ночную. Не бойся.

И я пошла. Вовка вынул из необъятного кармана штанов маленький ключик на неожиданно розовой, девичьей ленточке и первым прошел в комнату.

Я огляделась. Комната была квадратная, светло-голубая и казалась вся ломкой от белизны накрахмаленных занавесок, подзоров, салфеточек. На стенах висели почетные грамоты, выданные в разное время Лидии Владимировне Сысоевой за отличную, ударную, самоотверженную работу по обеспечению посевной, уборочной, и т. д. и т. п. На самом же видном месте, над широкой тахтой, застланной яркой тканиной, висел в самодельной лакированной рамке фотографический портрет смеющегося, курносого и конопатого сержанта, игравшего на гармошке, и под ним была подпись крупным детским почерком: «ШЕЛ СОЛДАТ С ФРОНТА...» Я вгляделась в фотографию, и мне показалось, что я ее уже видела, и стала вспоминать, где. Почему-то мне это стало важно. А Вовка перехватил мой взгляд и сказал:

— Отец!— и посмотрел на меня, словно чего-то ожидая.

Я взглянула на Вовку, сравнивая его лицо с лицом сержанта. Нет, они не были похожи. Да и лет Вовке, видимо, было двенадцать, от силы тринадцать.

А Вовка сказал:

— Шел солдат с фронта и пришел на фронт... Помнишь?.. На границе он. Служба у него такая,— стал он мне пояснять.— Не каждый может, а он вот какой уж год!..— Вовка улыбнулся своей широкой, радостной улыбкой.

Он глядел на меня затаенно, видно, старался понять, поверила я ему или притворяюсь.

Я снова посмотрела на портрет и снова поймала себя на том, что помню по иллюстрации в журнале этого веселого, в откинутой на затылок фуражке, из-под которой вихрился завитой чуб, молодого сержанта, растянувшего от края до края мехи гармошки, точно играл он широкую, свободную песню. Мне даже показалось, что слышу ее, ту, нашу, фронтовую, какую пел в дивизии мой хороший знакомый, белоголовый солдат, и стало мне грустно.

Вовка потолкал меня рукой в плечо:

— Держи!

Он протянул мне томик Прокофьева «Стихи о России» и сказал:

— Оказывается, и такой есть поэт. Не о войне, а хорошо. Ты не знаешь, почему?

Я обняла его за тонкие, костистые плечи:

— Разве только о войне писали хорошие стихи? Глупый!

Он посмотрел на меня какими-то сузившимися глазами и улыбнулся снисходительно, как улыбаются взрослые, слушая несмышленышей.

— Смешная ты, право. Самые главные стихи всегда о солдате,— сказал поучительно.— Остальные — так, для времяпровождения!

— Да?— спросила я.

Он опять посмотрел на меня странно, точно соображал, сказать или нет, и решился:

— Слушай, я, когда вырасту, тоже поеду к отцу на границу. Не думай, я не боюсь! Есть у пограничников голубиная связь. Слыхала, может? И голуби у меня будут белые, белые, как у пеночника!

Глаза у него заголубели, заискрились.

— У тебя-то будут,— протяжно сказала я, думая о своем, а он осторожно снял мою руку со своего плеча, заглянул мне в глаза.

— Ты почему живешь одна?

Я вздрогнула и ответила не сразу:

— Как там: шел солдат с фронта... — И подумала: «Шел мой хороший знакомый, белоголовый солдат с фронта, и чубатый сержант шел с фронта, и обоим им дорога вышла мимо нашего дома. По-разному, однако все равно мимо. И, может, хотели они прийти сюда, а вот не легла дорога, и остались мы с Вовкой одни!»

— Чего молчишь-то? Хоронишься?

— Поздно уж, Вовка,— устало сказала я.— Домой мне время. Наговорились. Приходи ко мне утром, пока не уйду на работу. Я тебе хорошие стихи почитать дам.

— Хм!— хмыкнул Вовка, сразу став опять тем задиристым и несговорчивым, какого боялись дворовые мальчишки.

— Ладно, иди!— грубо сказал он.— Разговора не было.— И распахнул передо мной дверь.

Дома меня поджидал сосед, и, как только я появилась на пороге, он вышел из своей комнаты и стал смотреть на меня жалеющим и вместе грустным взглядом, от которого я почувствовала себя в чем-то виноватой.

Утром я проснулась от шумного и тревожного говора белых голубей и от вскрика соседа:

— Полез! Полез!

На моем открытом окне верхом сидел Вовка, одну ногу спустив в комнату, а вторую перекинув на улицу.

— Ты почему так?— спросила я.

— Чтоб не слышал пеночник, а то крику будет...

— За что ты его так?

— Не знаешь, что ли? Он богатый на пивной пене!

— Ох, Вовка, и что ты такой?

— Непутевый!— засмеялся он.— Мать тоже говорит: «Непутевый ты у меня!»

— Верно говорит. Отвернись, оденусь я.

Он перегнулся в окно, засвистел, и голуби его посыпались из чердачного окна ко мне в комнату. Они стали ходить по полу, по столу, по книгам.

— Ты что же это делаешь?— возмутилась я.

— Не хороши? Не белые? Эх, ты!— сказал

он укоризненно, свистнул и соскочил во двор, уводя за собой голубей. Я подбежала к окну.

— А стихи?

Вовка махнул рукой.

— Ладно!..

— Через окно!— распахнул без стука мою дверь сосед.— Поглядите, люди добрые, поглядите!

— Что вам надо?— резко спросила я.— Какое вам дело до него и до меня?

Он осторожно прикрыл дверь, без приглашения сел, положив на стол короткопалые руки. Я отвернулась, чтоб не видеть их: я почему-то уверена, что люди с короткопалыми, мясистыми и некрасивыми руками — плохие люди. А он сказал вкрадчиво, словно извиняясь:

— Вы недавно приехали в наш дом. Я ж тут родился. Я всех жильцов досконально знаю. Послушайте меня.

— Почему вы все время подсматриваете за мной?

— Я не подсматриваю. Я иначе не могу. Я должен вас упредить,— втолковывал он мне, как маленькой.— Не привaживайте Вовку. От него все несчастья, все! Ничейный он в нашем дворе.

— Как ничейный?— не поняла я.

Он неожиданно вскочил, заходил торопливо по комнате и стал говорить быстро, видно, на что-то решившись крайнее:

— Ничего-то вы не знаете, ничего. Думаете, Вовка книжки читает, так и все. А книжки денежки любят. Рупь, да два, да три...

Я ненавидела его.

— А Лидия Владимировна...— сказал он тихо, словно только себе одному.— Она ведь все сама да сама, одна, значит. Отец-то с матерью ее в войну погибли. Без ласки она, без любви... Думаете, это ее Вовка?! Не-э-т! Из детдома взяла. Годовалого! Не возьми его, разве так бы сейчас жила... Дом бы был свой!.. Семья!.. Дети свои, не приемыш!.. А теперь!.. Все Вовка... Вовка все, говорю...— Он качнулся ко мне, как пьяный, и посмотрел гневно. Я отшатнулась.

— Уходите!— сказала грубо.

— Уйду!— согласился он.— Только вы мои слова попомните.

— Вовка! Вовка!— подбежала я к окну.

Вовки не было. Тогда я пошла искать его во двор. Пустой, серый, без единого деревца, без травки, заставленный огромными бочками, двор наш давно пропах вином. Его горькие испарения устойчиво стояли в воздухе, делая его густым и смрадным. Я увидела все это как бы со стороны, посторонним взглядом, и подумала: «Как же Вовка здесь стихи читает, мечтает о белых голубях и выпиливает рамку для смеющегося сержанта?!»

Я не нашла Вовку ни в то утро, ни вечером, когда вернулась с работы. Я долго ждала его. То смотрела в окно, то выходила во двор. Стало темнеть. Потом на Спасской башне, недалеко ведь, часы пробили одиннадцать. В Вовкиной пристройке не горел свет. И вдруг я услышала ровный голос Лидии Владимировны. Она, как всегда, стояла у раскрытой своей двери, и светлые ее волосы пятном легли на стену.

Я прислушалась к ее словам.

— Мстит он мне. Вовку простить не хочет. Напраслину на него возводит.

— Что же он так, пеночник?— спросила соседка. Лидия Владимировна засмеялась, но смех у нее получился невеселый.

— Так женишок же он мой был. Обидно ему, однако. Пока Вовки не было, все ложилось у нас одно к одному, а потом пошло и пошло... Теперь только вражда одна между нами и осталась... Так уж, видно, надо, люди все, поди, разные...— Она помолчала и, не меняя интонации, заговорила опять: — Вовка вчера ночь плакал, ровно девка какая. Совестливый. Стыдно ему перед соседкой со второго этажа. Дружба у них завелась или что, а только плакал: вдруг поверит...

Я засмеялась тихо и радостно и больше не стала слушать ее слов, а убаюкалась ровным голосом и заснула.

Скандал разразился вечером следующего дня. Вовка стоял на бочке, прижимаясь спиной к стене дома, и на плече у него сидел белый, красивый голубь. Он то склонял головку к Вовкиному уху, как будто что-то говорил ему по секрету, то тянулся к людям, окружившим Вовку, то переступал красными лапками, расправлял крылья, готовый вот-вот улететь. А против Вовки, тыча в него рукой, стоял продавец пивного ларька.

— С поличным!— говорил он гневно.— Мой голубь! Белый! У него отродясь такого не было! Смотрите все! Смотрите! Украл!

— Не крал я,— угрюмо говорил Вовка.

— Позову милицию!— грозил продавец.

— Эй, Вовка, признайся, и разойдемся миром. Подумаешь, голубь, добра-то!— просил сторож винного завода.

— Не крал я!— повторял Вовка.

— А голубь откудова?

— Не крал я!

— Милиционер!— закричал продавец и замахал руками, наступая на Вовку. Я прошла вперед.

— Что кричите?— сказала я.— Голубя ему отец прислал.

— Кто?— изумленно спросил сторож, а Вовка перегнулся ко мне и посмотрел испуганными глазами, часто заморгав.

— Отец, говорю, прислал. Чего тут непонятного?— сказала я и подумала, что Вовке от моих слов будет радость, а отец вполне мог найтись. Вдруг да он в самом деле искал Вовку столько лет, да вот нашел. Могло же быть!

— Чего непонятного?— поддержала меня соседка с первого этажа.

— Отец!— заполошно выкрикнул продавец.— А ты видала его,— перешел он со мной на «ты»,— отца-то того?! Что в рамке, на стене, Вовка из журнала вырезал? Не было у него никакого отца! Говорил я тебе, упреждал, детдо...

Я закричала из всех сил, чтобы Вовка не услышал его слов. Продавец подался назад. Стало тихо, и в тишине, как пощечина, прозвучали слова соседки с первого этажа:

— Подлец ты, однако! Незамужник!

— Правда, что ль?— заинтересовался сторож.— Видать, правда. Ай-яй-яй! При твоих-то достатках, да бобылем!.. Что-то тут не того, не чисто!..

— Вы... Вы...— задохнулся продавец, а я позвала:

— Вова!

Вовка выглянул из-за меня и вдруг решительно снял голубя со своего плеча, всунул его в руку продавцу.

— Подавись, пеночник! Не видать тебе моей матери! Моя она! Моя!— и побежал по бочкам, перепрыгивая с одной на другую, и скрылся за воротами.

— Как же так, зазря на парня?— спросил сторож, а продавец мял в руке голубя, и тот рвался из его пальцев, крутил головкой, плакал.

— Пошли!— сказала я.— Посмотрим. У него их пять. Я знаю.

— Дело,— согласился сторож, а соседка с первого этажа сказала:

— Стыдоба!

И мы пошли, и мне почему-то было совсем спокойно, хотя я не знала, где Вовка взял голубя, чей он.

Продавец плелся сзади, словно все происходящее теперь уже его не касалось, как будто не к нему в комнату мы собрались. Он вобрал голову в плечи, и они мелко подрагивали, а когда стал открывать дверь, руки у него дрожали, ключ заедало, он проворачивался в замке.

— Эх, ты!— сказал сторож, отстранил продавца и отпер замок.

Пять белых голубей повернули к нам головы, увидели шестого и заволновались, запрыгали по клетке, заговорили что-то на своем голубином языке, но я уже не смотрела на них: прямо передо мной, во всю ширину межоконного проема висел огромный портрет Лидии Владимировны. Она была на нем молодой, смеющейся, с косой, уложенной вокруг головы.

Сторож сплюнул на пол:

— Смотреть на тебя тошно!

— Стыдоба! — подтвердила соседка и тоже ушла.

Продавец устало сел на единственный стул, уронив по его бокам красные от вечного мытья стаканов, с взбухшими синими венами руки. «Так вот какую тайну хранил он от всех под замком!» — поняла я и ужаснулась. Мне бы нужно было сейчас что-то сказать ему, объяснить, что так нельзя, что он во всем виноват сам, что все еще можно исправить, но слов таких у меня не было, и я просто сказала, снова посмотрев на портрет:

— Отдайте птицу!

Он проследил мой взгляд, и глаза его стали размытыми, белыми. Он протянул голубя.

— Это все ради нее,— сказал. И добавил:— Меня зовут Иваном, Иваном Павловичем...

В своей комнате я закрыла окно, чтоб голубь не улетел, и стала ждать Вовку. А он не шел. Уже стемнело. Зажглись звезды. В окне его пристройки не горел свет.

Голубь устроился на книжной полке, нахохлился, опустил головку на грудь, видно, заснул.

Выпустила я его утром: Вовка вернется, искать станет. Голубь постоял на открытом окне, почистил перышки, кивнул мне и взмыл вверх. Он облетел несколько кругов над Вовкиным двухэтажным домом, точно запоминал его, и скрылся, а Вовка так и не появился во дворе, и соседка сказала мне:

— Уехали. До осени. Он — пионером, а

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ КИНО

Грустные, внимательные глаза, характерная улыбка со сжатыми губами, неотразимая весность слов, плотная мешковатая фигура — таким запомнился выдающийся французский киноартист Жан Габен, чья жизнь недавно оборвалась.

В этой жизни не было чуда. Слава пришла после многих лет упорного и тяжелого труда — сначала он статист, потом опереточный актер; почти целое десятилетие Габен пел и плясал на сценах второразрядных кабаре, но тогда же начал сниматься в кино, которое только что обрело звук. Сюда-то Габен и привел своего героя — это независимый деятельный человек, верный и надежный друг, готовый прийти на помощь в трудную минуту.

С самого начала Габен покорил зрителей обаянием простоты и естественности, став первым актером французского кино. И по сей день множество зрителей на вопрос: «Любимый актер?» — отвечают: «Габен».

В фильмах Жана Габена почти не бывает «хэппи энда», чаще всего их финал — насильственная смерть героя. Но это не фальшивая концовка ради увеличения кассового сбора, не ухищрение продюсера... Жан Габен всегда играл одну и ту же роль — собственную. Он был трагиком современного кинематографа и никогда не изображал благородных искателей приключений, странствующих рыцарей мелодрамы. Ему не было места в фильмах «плаща и шпаги»; герой Габена не напрашивался на схватку,— дважды, трижды нужно было задеть его, чтобы этому терпению пришел конец.

Через все фильмы Жана Габена проходит тема душевной

она — воспитательницей! А этот,— она показала на окна Ивана Павловича,— все тут. Совесть не мучает.

Я взглянула на его окна и заметила, как он быстро отскочил в глубь комнаты. «Ждет!— поняла я.— Не находит в себе силы уехать из нашего дома!»

Лето между тем подходило к концу. Коегде на деревьях уже желтели листья. Во дворе стали появляться загорелые девчонки и мальчишки. Они шумными ватагами, привыкшие к полю и лесу, носились между бочками, играли в прятки, кричали зычными голосами. На лестничных потолках чернели свежие копотные пятна, у кого-то из жильцов срезали звонки, администрация винного завода недосчитывалась пустых бутылок. У подъездов на скамейках судачили старушки, в беседке забивали «козла» старики. Жизнь входила в свою осеннюю колею, и оживший двор не казался мне больше серым, пропитанным винными парами: он был большим, усыпанным желтыми листьями, которые приносил ветер из соседнего сквера. И только Вовки не было...

* * *

Шли годы. Постепенно я стала забывать Вовку. И вот однажды, опаздывая на заседание педсовета, я ждала на остановке такси. Моросил мелкий теплый дождь, небо опустилось низко и плавало в лужах. Такси не появлялось, я нервничала. Вдруг около меня остановился серый новенький «Москвич». Он был нарядный, красивый. Я намеревалась уже подойти к водителю и попросить подвезти, когда из машины вышел высокий, худощавый лейтенант в очень ладно сидевшей на нем шинели и фуражке с зеленым, пограничным околышем. Он взглянул на меня невнимательно, перебросил взгляд дальше и вдруг, точно что-то толкнуло его, обернулся, всмотрелся и крикнул:

— Тетя!

И улыбнулся смущенно, но радостно, а я тоже закричала:

— Вовка! — и тоже смутилась, и быстро протянула руку.

— Простите. Я никогда не знал вашего имени и отчества.

— Разве в этом дело,— сказала я.— Лейтена-а-ант! Лейтена-а-ант! Значит, сбылось.

— На границе служу. У меня там,— хитро подмигнул он,— не только что голуби, собаки какие! А лошади!

— Вот как! А в Москву зачем?

— За матерью. Чего ей тут одной? Отдыхать пора, наломалась за жизнь. Да что мы стоим? Довезу! Такси, поди, ждали?

— Да, да!— заторопилась я, вспомнив о педсовете.

Мы ехали по Москве, машина шла мягко. Вовка рассказывал о себе, о границе, где воздух, точно стекло, чистый, а я почему-то слышала в его голосе другой, лившийся водяной струей, и представляла строгий профиль Лидии Владимировны и копну ее светлых пышных волос, и думала о счастье, материнстве, любви, и мне казалось, что Вовка очень похож на того, смеющегося, курносого и конопатого сержанта, что играл на гармошке. Конечно, похож! Мне хотелось, чтоб был похож.

Рисунки В. ВОЕВОДИНА.

ВАС ПЕРЕВЕСТИ ЧЕРЕЗ УЛИЦУ?

— Мама поступила на курсы вязания.

— Говорил я ему — не отстегивай пояс безопасности.

ЗОО ПАРК

— Когда у вас кормление зверей!

— Повторите инструкцию, как складывать диван-кровать.

поддержки, товарищества: у его героя всегда был кто-то младший, чья неосмотрительность и доверчивость приводили к беде, которую он, старший, начинал расхлебывать. Легкость, с какой он переставал быть чужаком в любой среде, не растворяясь в ней, казалась вполне естественной: герой покорял тем, что зритель всегда хотел бы видеть в самом себе,— чувством собственного достоинства, а это качество не нуждается ни в позе, ни во фразе.

Герой Габена, как и сам Габен, ратовал за человеческое достоинство вообще и этим был дорог миллионам любивших его кинозрителей. Артист, вышедший из народа, он никогда не терял связи с народом, обогащал свой талант его силой и добром.

В. ДУНАЕВ

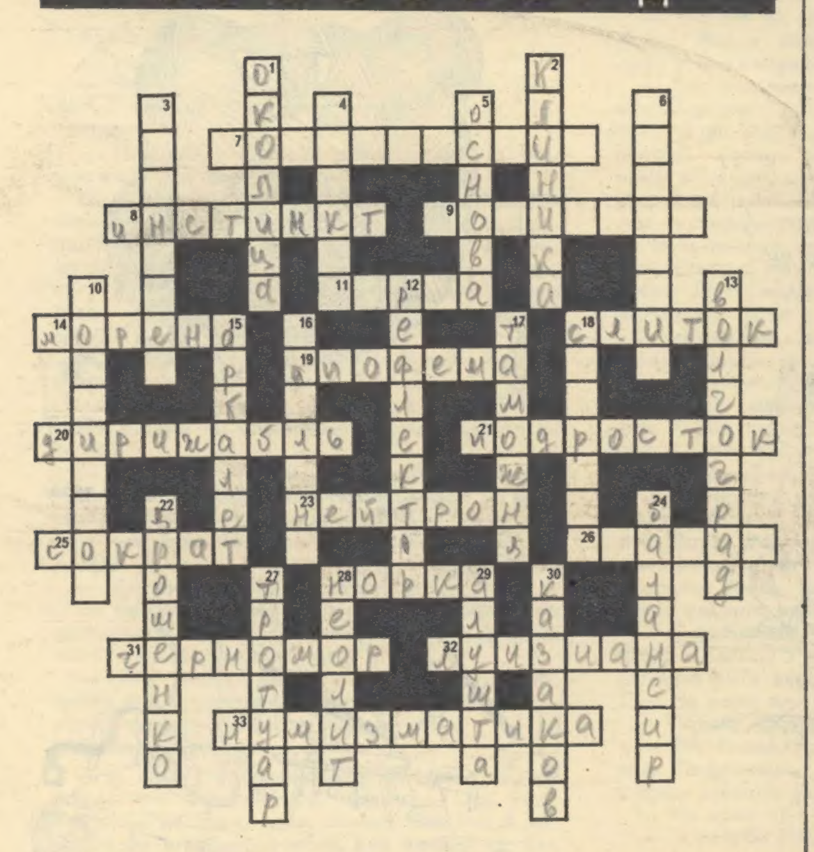
к четвертой странице обложки

Почти полстолетия с фотоаппаратом — таков творческий путь Галины Захаровны Санько, одного из виднейших наших фотомастеров. Совсем недавно по приглашению Фотосоюза Югославии и Фотосоюза Хорватии она побывала с персональной выставкой в Загребе. На 4-й обложке мы публикуем фоторассказ Г. Санько о Югославии.

Вы видите на снимках аэродром на берегу Адриатического моря; туристов, которых всегда очень много в Югославии; старинный город Дубровник, мемориал «Памяти погибших бойцов и юношей» в селе Кумровец (на снимке в центре), где родился Президент СФРЮ, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито; старый парк в городе Вараждине; уголки Загреба.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Русский филолог, академик. 8. Врожденная форма поведения животного. 9. Рассказ А. П. Чехова. 11. Река в Читинской области. 14. Морской пейзаж. 18. Застывший кусок металла. 19. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 20. Управляемый аэростат. 21. Роман Ф. М. Достоевского. 23. Элементарная частица. 25. Древнегреческий философ. 26. Название ряда хребтов в Средней Азии. 28. Пушной зверек. 31. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 32. Штат США. 33. Наука о монетах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Окраина села. 2. Медицинское учреждение. 3. Созвездие северного полушария неба. 4. Персонаж пьесы К. Тренева «Любовь Яровая». 5. Продольные нити в ткани. 6. Русский композитор XVIII века. 10. Гриб. 12. Отражатель. 13. Город-герой. 15. Метательное оружие. 16. Вечнозеленое плодовое дерево. 17. Учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 18. Рыба. 22. Автор картины «Кочегар». 24. Регулятор в часовом механизме, заменяющий маятник. 27. Пешеходная дорожка. 28. Позднейшая эпоха каменного века. 29. Курорт в Крыму. 30. Русский архитектор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Градобоев. 7. Секира. 8. Муррей. 9. «Западня». 14. Квадрат. 15. Клоун. 17. Смокинг. 18. Куранты. 19. Горацио. 20. Литке. 21. Таймень. 22. Регистр. 24. Плоешти. 26. «Олеся». 27. Архимед. 29. Яснотка. 32. Висмар. 33. Реверс. 34. Донателло.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Самара. 2. «Коновалов». 3. Лоцман. 5. «Вертер». 6. Мехико. 10. Баскетбол. 11. Станкевич. 12. Астрограф. 13. Килограмм. 15. Крыльцо. 16. Нигерия. 23. «Ведомости». 25. Шарнир. 28. Хирург. 30. Сирена. 31. Коралл.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Генеральный секретарь РКП, Президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску отвечают на приветствия жителей Бухареста.

Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/XI — 1976 г. А 00743. Подп. к печ. 23/XI — 1976 г. Формат 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2815. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 3 000.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПОИСКИ АТТИЛЫ ДУН

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Он не стремится удивить мир своим искусством. Для него основное — понять этот мир, понять себя в нем. В его мастерской на улице Корятовича в Ужгороде бывают и любители искусства из других городов нашей страны и студенты местного училища прикладного искусства. Главное, что находит здесь каждый,— радость от встречи с прекрасным и богатую пищу для размышлений...

— Любая вещь,— говорит хозяин мастерской художник Аттила Яношевич Дунчак,— которой мы пользуемся, должна быть красивой, яркой, изящной. Не мыслю себе предмет из дерева, если в нем не выражена наиболее полно красота древесной породы. А уж если человек строит что-то из камня, то он должен искать, каким образом лучше подать его природную красоту...

Сам Аттила Яношевич работает со стеклом, керамикой и своеобразным синтезом этих материалов. Создавая из стекла вазы, игрушки, разнообразные по форме сосуды, он как бы говорит: посмотрите, какое здесь богатство красок, какая игра света, пластичность!

Интересны работы А. Дунчака в керамике: вазы, тарелки, кувшины, пепельницы... В их формах и росписи художник широко использует народные закарпатские мотивы, сочетая исполнительский блеск с простотой и наивной доверчивостью народного рисунка.

Наиболее интересно он работает со стеклом и глазурью на белом кафеле. Обычную белую плитку покрывает глазурью, прижигает к ней медь и на все это наваривает стекло. Получается удивительно яркий, сочный рисунок, очень напоминающий отшлифованный срез натуральных камней: яшмы, агата, сердолика... Каждая работа — это целая серия экспериментов, попыток понять и четко усвоить, как будут вести себя цветные эмали и глазури на керамике под стеклом, как изменится структура материалов, цвет, фактура поверхности под воздействием температуры, длительности обжига и т. д.

Семь лет назад А. Дунчак окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухиной и с благодарностью вспоминает своих учителей, научивших его видеть «душу» в любом материале.

Обращается он иногда к живописи и графике. Почти в каждом его произведении чувствуешь веселую или грустную улыбку автора, а иногда он подтрунивает и над самим собой. Мое внимание привлек романтичный кораблик с пузатыми боками, изящными мачтами, парусами и замысловатыми палубными надстройками, выполненный глазурью по белому кафелю. Из несоразмерно больших окошек центральной надстройки смотрят на мир игрушечные Он и Она. Корабль летит по воздуху, а к его днищу приделаны еще и колесики. Внизу же раскинулся сказочный город с гаванью, соборными маковками, фонтанами, каналами и пестрой толпой.

— Это наше с женой свадебное путешествие в Венецию,— пояснил Аттила Яношевич.— Очень люблю эту работу.

— Вам так понравилась Венеция!

— Просто я там никогда не был,— ответил он.

С. КАЛИНИЧЕВ,
соб. корр. «Огонька»

ЧАКА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663